

ВИКТОР СТЕПАНЫЧЕВ

НАЕМНИК

**СКВОЗНОЙ
УДАР**

Виктор Степанычев

Сквозной удар

«Научная книга»

2008

Степанычев В.

Сквозной удар / В. Степанычев — «Научная книга», 2008

Бывший капитан ФСБ Станислав Гордеев не по своей воле был вынужден завербоваться наемником в Германию. Там, в тренировочном лагере под Ганновером, Стас прошел специальную подготовку, стал командиром спецгруппы и провел несколько успешных акций. Казалось бы, живи и радуйся успехам. Но генерал Веклемишев, бывший командир Стаса, неожиданно передал ему настораживающую информацию: в этом тренировочном лагере за последние годы бесследно исчезли несколько спецов экстра-класса из силовых министерств России. Генерал предложил Гордееву внедриться в Синдикат, финансирующий тренировочный лагерь, и выяснить, кто стоит во главе организации и какие цели преследует. Гордеев понял, что выполнить подобное задание и остаться в живых у него нет никаких шансов. Тем не менее, он начинает действовать...

© Степанычев В., 2008

© Научная книга, 2008

Содержание

Часть I. КРУТЫЕ ПОВОРОТЫ	6
Глава 1. Капитан, капитанюга, капитанище...	6
Глава 2. Газировка и другие	11
Глава 3. Кончен день забав	16
Глава 4. Двое сбоку, ваших нету	20
Глава 5. Согласие как продукт непротивления сторон	25
Глава 6. Тоска зеленая	29
Глава 7. Препятствия для телохранителя	34
Глава 8. Будни телохранителя	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Виктор Степанычев

Сквозной удар

*А разве король имеет обыкновение давать
вам отчет? Нет. Он просто говорит вам:
господа, в Гаскони или во*

Фландрии дерутся – идите драться.

И вы идете. Во имя чего?

Вы даже не задумываетесь об этом.

А. Дюма. Три мушкетера

Часть I. КРУТЫЕ ПОВОРОТЫ

Глава 1. Капитан, капитанюга, капитанище...

Океан лениво накатывал невысокие волны на пологий песчаный берег. Вода подползала к ногам лежащего в шезлонге человека, бессильно шипела и отступала, оставляя на ослепительно белом песке рваные, тут же тающие клочки пены. Нежный бриз раскачивал огромные, похожие на слоновьи уши, листья пальм и приятно поглаживал кожу, опаленную южным солнцем.

Лазурь сверху, лазурь снизу, солнце, крики чаек над океаном, тепло, покой и нега – вот оно, простое человеческое счастье, рай земной, край обетованный!

Но чего-то не хватало в идиллической райской картинке: одного мазка кисти гениального художника, чтобы полотно заговорило, совсем маленькой, но нужной детали, без которой машина не тронется с места. Правда, ждать пришлось недолго. Вот и она, эта самая деталька, наконец возникла на горизонте совсем уж незаметной белой соринкой на ярко-голубом фоне. Через несколько томительных минут точка растянулась в тонкий штрих, который очень скоро явил глазам, скрытым за солнцезащитными очками, приземистый хищный силуэт разбрасывающего буруны катера, на всех парах несущегося к берегу. Это спешили люди, которым не терпелось убить человека, безмятежно лежащего в шезлонге.

А к нему с утра привязалась песня Высоцкого о том, как взвод отлично выполнил приказ, но был один, который не стрелял. Причем от начала до конца он ее не знал и мурлыкал отрывками и отдельными фразами. «Однажды „языка“ я добыл, но не донес...»; «Мой командир меня почти что спас, но кто-то на расстреле настоял...»; «И слышу: „Жив, зараза! Тащите в медсанбат! Расстреливать два раза уставы не велят“; „Я пил чаек из блюдца, со спиртиком пивал. Я не успел загнуться, и я довоевал...“

Конечно, в жизни подобного случиться не могло, и все это – буйная авторская фантазия. Взводом, а это по штату, считай, тридцать человек, расстреливать как-то не с руки: если в толпе ноги не оттопчут, то уши уж точно друг другу отстреляют. И насчет тех же самых уставов Владимир Семенович перегнул. Ни в одном воинском уставе слово «расстрел» не упоминается, чай, не Уголовный кодекс, в котором тоже нет даже намек на то, что дважды расстреливать запрещается. Бывали случаи, когда при массовых расстрелах люди случайно выживали, но в песне-то не о них речь. А раз так, да еще по тем окаянными годам, никак не мог остаться в живых песенный герой. За подобное упущение тот, кто руководил казнью, сам бы пошел под трибунал по «расстрельной» статье. Так что контрольный выстрел в голову – изобретение отнюдь не новое, не девяностых беспредельных годков, а было в ходу, по словам того же автора, еще во «времена далекие, теперь почти былинные, когда срока огромные брели в этапы длинные».

Но это так, к слову. А песня в целом хорошая. Ее Венька Аскольдов под гитару классно исполнял. Да и не только эту. Старлей репертуар имел обширный, по его же словам, что ежели с водочкой, так суток на трое поорать хватит. Кстати, от души попели песни под Венькину гитару, когда ему, Станиславу Гордееву, досрочно звание капитана присвоили.

Стас снял очки и, прищурившись на солнце, улыбнулся, припомнив тот апрельский вечер. И погуляли всласть, и водки попили вдоволь, и песни с ребятами попели, в общем, обмыли четвертую звезду как полагается. А командир группы майор Коля Сеницын после третьего тоста, известно какого, чтобы настроение и ребят поднять, устроил новоявленному капитану экзамен и выставил ему за ответ твердый «неуд».

Правда, вопрос был не то чтобы не простой, а неподъемный: сколько существует званий капитана. Станислав напряг память, однако, кроме дореволюционного штабс-капитана и военно-морских капитан-лейтенанта и капитанов трех рангов, ничего так и не припомнил.

Правда, это на поверхности лежало, а вопрос явно с подковыркой был. Майор Сеницын, с кислым выражением лица выслушав неуверенный ответ, наставительно поднял указательный палец и просветил подчиненных, что в неписаной армейской табели о рангах наличествует пять капитанских ипостасей. А именно: капитаненок, собственно капитан, капитанюга, капитанище и капитаниссимус.

Капитаненок – это тот (указательный палец майора уткнулся в грудь Стаса), кто только получил четвертую малую звезду на погоны и еще толком не понял, что уже вышел из состояния неразумного «летехи». И это понимание, как и ощущение высоты положения, приходит примерно через год. И тогда капитаненок становится капитаном с полным пониманием ответственности за то, что носит такое гордое звание. Еще через пару лет, когда он окончательно заматерееет, в совершенстве овладеет всеми профессиональными навыками и должностными знаниями и на любой вопрос любому воинскому начальнику сможет дать любой ответ, капитан автоматически становится капитанюгой – обветренным, как скалы, и невозмутимым, как сто эстонцев.

Ну и согласно опять же песенному «капитан, никогда ты не будешь майором», по разным причинам случается, что капитанюга переживает срок получения очередного звания. Порой этот период затягивается настолько долго, что его сверстники уже прилаживают на китель погоны подполковника, а он еще и майорских не примерял. Капитан, а точнее – уже капитанище, становится крайне задумчивым, настроенным на философский лад и вид имеет благообразный, а часто – и просто отрешенный. На любые вопросы он отвечает уже не любыми ответами, а строит сложносочиненную, неоднозначно толкуемую окружающими и им самим фразу. И те же самые скороспелые подполковники лишней раз стараются не потревожить, не оторвать от возвышенных дум капитанище, потому как уважают его стремление к самосозерцанию и его отстраненность от грубых служебных будней и чувствуют себя виноватыми, что они-то вон оно как, а он – вон оно где...

Ну а звание капитаниссимус присваивается служивому с четырьмя малыми звездочками на погонах в день ухода его на пенсию, в отставку по возрасту. Бывает и такое, и не столь уж и редко. И хор сослуживцев на отважной вечеринке в его честь исполняет композицию соответствующую, под которую скупая слеза по небритой седой щетине капитаниссимуса сползает: «Каким ты был, таким ты и остался, орел степной, казак лихой...»

Вот и выпили тогда под четвертый тост майора за то, чтобы Гордееву, капитанищем и, не дай бог, капитаниссимусом не быть. Правда, Станислав и до капитанюги не дослужился, остановился на чистом капитане. Чуть больше года минуло с того праздника, как нарвался Гор на крупную неприятность. В общем-то, банальная история вышла, едва ли не классическая: не у него первого, не у него последнего нервы не выдержали.

* * *

Тот рейд с самого начала не удался. От информаторов пришли данные, что в районе Ножай-Юрта на границе с Дагестаном будет проводиться совещание полевых командиров незаконных вооруженных формирований. И будто бы на нем собирается присутствовать Удугов и какой-то важный арабский эмиссар, полномочный представитель Аль-Каиды. Повестка дня совещания: объединение действий боевиков, действующих на территории Чеченской Республики и Дагестана. Тема сбора понятна, а если еще учесть, что серьезный араб нарисовался, то между строк можно прочесть, что боевики деньги зарубежных покровителей делить будут, а точнее – выбирать казначея, через которого «гранты» Усамы бен Ладена станут распределяться.

Хотя информация пришла от надежных людей, у аналитиков большие сомнения возникли по поводу ее достоверности, особенно насчет прибытия в Чечню Удугова. Не тот он

человек, чтобы рисковать головой ради идеи независимости Ичкерии, которая уже давно в пар вышла. Потому до сих пор Удугов и жив, и здоров, и его экстрадицией никто голову не забивает, а он в норку где-то в Турции или на Ближнем Востоке забился и голоса не подает. Правда, сведения о прибытии на территорию России арабского эмиссара Аль-Каиды и из-за рубежа от иностранных спецслужб просочились. Так что не поверить информации, полученной из независимых источников, было трудно.

Группу майора Сеницына, у которого Гордеев, для друзей и сослуживцев – просто Гор, был заместителем, десантировали с рассветом с вертолетов в ущелье в тридцати километрах от Ножай-Юрта. Задача перед ними стояла не то чтобы сложная, скажем – обычная: двадцатикилометровый марш в район, где планировалось проведение совещания, рекогносцировка местности, обнаружение точки сосредоточения боевиков и передача в «центр» координат цели. А далее – блокирование маршрута их отхода на юг после нанесения огневого удара с воздуха по скоплению живой силы. Восточное направление перекрывала группа Мишки Игнатов, Мишеля, однокашника Гора по пограничному училищу, а северо-запад контролировал армейский спецназ.

Неудачи начались почти сразу после высадки. Они прошли по «зеленке» чуть больше двух километров и попали под перекрестный огонь боевиков. Как там оказались «чехи», одному Аллаху известно, скорее всего, случайно пересеклись пути, а точнее – наскочила группа на их ночную лежку. Первым погиб Венька Аскольдов, двигавшийся в голове колонны. Две очереди сошлись на старшем лейтенанте. Ему перебило ноги и снесло половину черепа. Тяжело ранили в живот Серегу Грушевского, прапорщика, спеца-подрывника, шедшего следом за Вениамином. Против пуль калибра 7,62 мм, выпущенных из «АКМ», не помог легкий кевларовый бронежилет. Но с этим уже после разобрались...

Остальные, учить никого не надо было, при первых звуках выстрелов бросились на землю, рассредоточились и ответили шквальным огнем. Бой длился недолго, не больше шести-семи минут. Но и этого хватило на то, чтобы от взрыва гранаты получил осколочное ранение в бедро командир группы майор Сеницын. Самое обидное, что боевиков было всего-то пятеро против двенадцати опытных спецназовцев. Сработал фактор неожиданности, на который, вероятно, и делали ставку «чехи».

А может, просто с перепугу, растерявшись, вместо того чтобы когти рвать куда глаза глядят, палить начали, сволочи...

Четверых боевиков они уложили, а одного, тяжело раненого, прокачали по ускоренной полевой программе. Тот поначалу попытался изображать из себя героя, однако и не таких раскалывали. Через пять минут после тесного общения со старшим прапорщиком Руденко, сопровождавшегося двумя обмороками от болевого шока, боевик выложил все, что знал, включая школьную программу природоведения за четвертый класс, на котором и закончилось его образование.

Оказалось, эта пятерка двигалась со стороны Дагестана, чтобы пополнить ряды отряда Алу Гамидова, действовавшего в районе Шали – Ведено. Двое из них были чеченцы, прошедшие курс реабилитации после легких ранений, а три их товарища дагестанца являлись молодым пополнением и еще ни разу не принимали участия в боевых действиях. Возможно, именно поэтому потери группы ограничились одним «двухсотым» и двумя «трехсотыми». Будь на их месте обстрелянные боевики, еще неизвестно, в чью пользу бы счет был...

О совещании полевых командиров с участием Удугова и арабского эмиссара Аль-Каиды раненый «чех» ничего не знал. Маршрут этой пятерки пролегал довольно далеко от предполагаемого места сбора руководителей незаконных вооруженных формирований, поэтому словам раненого боевика можно было верить.

Поставленную перед группой задачу никто не отменял. Командование людьми вместо выбывшего из строя майора Сеницына принял Стас Гордеев, его штатный заместитель. Он

вызвал для эвакуации раненых вертушку, оставил с ними одного здорового из группы и ускоренным маршем повел остальных по маршруту.

Они вовремя добрались до указанного места в окрестностях Ножай-Юрта, однако следов боевиков не обнаружили. Как позже доложили информаторы, скоротечный бой их группы и активность вертушек спугнули боевиков. Несколько полевых командиров все же встретились с арабом и Удуговым, но произошло это позже на территории горного Дагестана. Планируемая операция сорвалась.

Разбор полетов был не то чтобы разгромным, однако получили они по полной программе, по самое, как говорится, не балуй.

Естественно, в отсутствие раненого майора Синицына все шишки посыпались на голову капитана Гордеева. До оргвыводов, правда, дело не дошло. Руководитель операции генерал-майор Веклемишев был хоть и московский гость, но свой, из спецов, из «рэксов», что в переводе на общечеловеческий означало «разведчик экстра-класса», прошедший огонь и воду, дым и Крым. Он прекрасно понимал, что особой вины ни на Горе, ни на его командире в срыве операции не лежит: случайность – она и в Африке случайность. Но все же раздосадован был, потому и устроил головомойку. «Почему не выслали передовое охранение? Почему выбрали именно этот азимут движения? Вас где учили тактике? Не жмут ли вам погоны плечи, товарищ капитан?» Ну и так далее...

Конечно, неприятно слышать подобное, и не во всем прав был генерал-майор, но ему по штату положено ругаться и строить подчиненных. К тому же знал Станислав, что добыл он свои большие звезды не в кабинете, а потом и кровью их заработал. О чем и говорили три нашивки на генеральском кителе – два тяжелых ранения и одно легкое. Это не считая звездочки Героя России. А уж какие легенды о нем ходили! Говорят, пару-тройку раз мир спасал...

А взбесился Гордеев уже после подведения итогов. Генерал и старшие офицеры вышли из штабной палатки, следом за ними, доставая сигареты, потянулись и остальные. Когда Стас проходил мимо майора, генеральского порученца, собиравшего со стола бумаги в папку, неожиданно услышал презрительное замечание:

– Вояки хреновы! Только и умеете, что с бабами воевать и мародерствовать. Да еще водку жрать!

Конечно, следовало сдержаться, но уж очень Станислав раздосадован был. А тут еще перед совещанием ему передали, что в госпитале Серега Грушевский скончался. Двое суток за его жизнь врачи боролись, но так и не смогли спасти.

Взбешенный Гор кинул взгляд на холеного майора, который по возрасту был едва ли не младше его самого, и практически без размаха врубил ему «клювом аиста», средним и указательным пальцами, сложенными в клинок, в солнечное сплетение. Брезгливая мина на лице генеральского порученца сменилась маской крайнего удивления и боли. Майор рухнул на стол, захлебываясь в астматическом удушье. Рука Станислава уже метнулась к шее штабного, чтобы довершить начатое, однако предупредительный негромкий возглас Мишки Игнатова за спиной остановил его:

– Гор, не надо! Себе дороже! Эта сволочь того не стоит!

Гордеев с трудом удержал ребро ладони в сантиметре от шейных позвонков майора. Однако гнев требовал выхода. Рука коротко, совсем незаметно взметнулась и опустилась на поясницу порученца в район почек. Тот дернулся и сполз со стола на стул, заботливо подставленный Мишелем. Капитан подтолкнул Гора рукой в спину, направляя к выходу из палатки, и громко объявил:

– Точно нам сегодня компот в столовой какой-то прогорклый дали. Вон человека как скрючило-то! Небось сухофрукты сгноили на складе, а столовским все равно, что в котел сыпать.

– И у меня тоже с утра живот бурлит, – ухмыльнувшись, поддержал Мишку старший лейтенант Голиков из оперативного отделения. – Надо заместителю по тылу пожаловаться. Пусть он своим поварам втык устроит. Вконец оборзели чмошники!

Генерал-майор Веклемишев хмуро рассматривал сидевшего перед ним капитана. Скрывать от него Гордеев ничего не стал и выложил все подробности произошедшего.

– Скажи спасибо сослуживцам, что никто не видел, а точнее – не подтвердил, что ты майора бил. Устроили, понимаешь, круговую поруку. Ну да ладно, это не главное. От трибунала за нанесение телесных повреждений старшему по званию ты, будем считать, отвертелся, но за твою дальнейшую судьбу и карьеру я и гроша ломаного не дам. Майор, конечно, дерьмо человек, однако папаша у него слишком высоко сидит. Его ко мне, как я догадываюсь, для того и пристегнули, что, если бы у нас операция прошла успешно, орден штабному сынку на грудь за мужество и героизм предок бы обеспечил. А тут такой облом! Зря майор в Чечню прокатился. Вот мальчуган и расстроился.

– Его бы под пули, скотину! – мрачно предложил Станислав.

– Не получится, – покачал головой генерал-майор. – Меня еще лейтенантом просветили, что в армии есть два вида должностей: одни – у станка, вторые – у портфеля. Вот ты к станку попал, и от него хрен выберешься. Как и я... А того парня от портфеля бульдозером не оттащишь. В общем, так, подводим предварительные итоги. Рапорту майора я хода не даю, а его самого отправляю в Москву. Ты же служи, как служил. Пока... Потому что, чует мое сердце, не кончится это дело добром. Постараюсь прикрыть, но гарантировать ничего не могу. Понял, Гордеев?

– Понял – служить, товарищ генерал-майор, – повеселевшим голосом отрапортовал Стас.

– Вали отсюда, капитан, чтобы мои глаза тебя не видели, – делано сурово рявкнул генерал. – И нечего на своих руки распускать.

– Я на своих и не распускаю, – усмехнулся Гордеев. – Только на чужих...

– Он еще и пререкается! Кругом! Шагом марш!

Все же не сумел прикрыть генерал-майор Веклемишев Стаса. Говорят, скандалил, защищая Гордеева, и даже рапорт об увольнении писал, но папаша штабного майора был слишком крут – и по положению, и по характеру, поэтому усилия генерала оказались тщетными. «Мой командир меня почти что спас, но кто-то на расстреле настоял...»

Примерно через месяц после тех событий из Москвы пришел разгромный приказ. В нем капитана Гордеева С.Н. обвиняли ни много ни мало, как в срыве запланированной операции. Более того, в этом идиотском приказе утверждалось, что именно по его вине погибли Венька Аскольдов и Сергей Грушевский. На основании вышеизложенного капитана Гордеева С.Н. за дискредитацию высокого звания офицера увольняли из рядов Российской армии. Статья была суровая, по трактовке Мишеля Игнатова, ее можно было приравнять к общеуголовной за изнасилование крупного рогатого скота со смертельным исходом. Вряд ли на деле существовала подобная статья УК, но то, что Гору выдали самый что ни есть волчий билет, с которым в приличное место на гражданке не сунуться и нормальной работы не найти, сомнений не вызывало.

Так что Стасу в ближайшей перспективе светила альтернатива если не в бандиты податься, то уж точно забомжевать. Но случилось иное. Раскатилась перед ним путаная стежка-дорожка, которая и привела его на этот райский остров, затерянный в Индийском океане.

Катер приближался. Не более чем через семь, максимум – десять минут он минует линию приборя, сбросит скорость и уткнется носом в песчаный берег. Люди выскочат на пляж, разбесятся по береговой полосе, поводя из стороны в сторону дулами, и начнется...

Станислав потянулся так, что косточки захрустели, и аккуратно, чтобы не поломать хлипкую мебель, выбрался из шезлонга. Подхватив стоявший у ствола пальмы автомат, он неспешно обогнул хижину и скрылся в густых зарослях.

Глава 2. Газировка и другие

После увольнения, с горя, а точнее – от обиды, свалился отставной капитан Гордеев в крутой штопор. Пил без перерыва почти полтора месяца. Правда, в серьезный запой, так, чтобы по несколько дней из памяти вылетало, Стасу уйти не удавалось. Его организм был устроен таким образом, что первые сутки братания с зеленым змием проходили классически строго: радость потребления-общения, опьянение, сильное опьянение, забытье, похмелье. Но уже на следующий день включались внутренние резервы, активно противодействуя общему алкогольному отравлению. На вторые сутки радость потребления практически сходила на нет и опьянение толком не наступало, так, какой-то туман мозга застилал и все окружающее виделось в сером цвете. Да и пить не то чтобы не хотелось – скучно становилось, потому что толку от этого питья не было. Более на условный рефлекс смахивало: наливай да пей...

А на третьи пьяные сутки странная внутренняя дрожь у Гора появлялась. Затрясет организм – и минут через десять отпустит, а спустя часок-другой опять появится – и снова исчезнет. Но ежели тряску водочкой пугнуть, а сверху пивом заполировать, да еще несколько раз повторить эту процедуру, то к вечеру дрожь как бы и исчезала, а вернее – наружу выходила, в пальцы, которые подрагивать начинали в такт работе сердца.

На день-два Стас завязывал, пытаясь выйти из штопора, но на него трезвого такая тоска нападала, что он опять тянулся к бутылке. Так полтора месяца и прошли в борьбе с зеленым змием и внутренними терзаниями по схеме: трое суток через двое. Денег на нетрезвое и беспечное житье-бытье хватало. Командировочных и «боевых» на лицевом счете в банке скопилось примерно на полгода «веселой» жизни. Что будет потом, когда они кончатся, Гор не задумывался, а если честно сказать, просто гнал от себя подобные мысли – обиду бы сначала залить!

Из Чечни Гордеев вернулся в Одинцово, в город, в котором родился, вырос, окончил школу и откуда поступил в пограничное училище. А куда было ему возвращаться, как не в однокомнатную квартиру в хрущевке на окраине городка. Станислав не только в ней был прописан, но и являлся полноправным собственником этой скромной недвижимости. Отец уже пять лет как умер. Мать после его смерти уехала к сестре в деревню. Она продала их трехкомнатную квартиру в центре Одинцова и вырученными деньгами распорядилась по-матерински и по-хозяйски. Купила себе дом, квартиру сыну, а оставшиеся деньги отдала дочери Лизе, старшей сестре Стаса, которая была замужем и имела свою жилплощадь. Два года назад и матери не стало, сгорела от воспаления легких. Простудилась осенью, закашляла, затемпературила. До районной больницы в распутицу-то не доехать, и ближайший медпункт за пятнадцать верст, лечиться сама стала малиной да пирамидоном. Когда совсем плохо сделалось, фельдшера на тракторе привезли из соседнего села, но уже поздно было...

Станислав в свое время был против приобретения «однушки», впрочем, как и «двушки» и «трешки», потому что не видел в этом смысла. Гордеев как раз только окончил училище, и его вполне устраивала комната в офицерском общежитии в части, дислоцирующейся также в Подмосковье, однако далековато от Одинцова. Если на перекладных, электричками или автобусами, так полдня добираться. Да и служба была такая, что о собственной квартире он вспоминал только в отпуске да еще когда сестра напоминала, что деньги на оплату за коммунальные услуги перевести надо. Да что там квартира, в общежитии он в течение года максимум пару месяцев жил. Все больше по командировкам да по выездам... А уж о перспективе, когда он отслужит полный срок, выйдет на пенсию и вернется в Одинцово, Стас даже не задумывался. И вообще, судьба служивого штука капризная: куда забросит, где приземлит – одному богу известно.

Но оказалось, мама была права, и квартира пришлась отставному капитану как нельзя кстати. Правда, за полтора месяца пьяного разгула жилплощадь заросла мусором и грязью,

превратившись в неопрятную ночлежку. Гор и его нетрезвые гости менее всего заботились о чистоте. Сестра первые две недели пыталась наводить порядок, уговаривая Станислава наладить быт и бросить пить, но потом и она махнула рукой и не появлялась у брата, а лишь изредка звонила по телефону, проверяя, живой он или нет.

Друзья юности, радостно встретившие возвращение Стаса в родные пенаты, не выдержав объемов выпиваемого и темпов «праздника жизни», один за другим откололись. При нем остался лишь верный оруженосец Олег Зурнаджиев по прозвищу Газировка, школьный товарищ Гора. Станислав не помнил, отчего еще с детства прилепилась к Олежке эта кличка. То ли из-за того, что тот любил эту самую газированную воду, а может просто – из-за зудящих «зз» и «р-р» в фамилии, напоминающих шипение газировки.

Сын азербайджанца и украинки, донельзя худой, с черными как смоль волосами и голубыми глазами появился в шестом классе, отучился до самого выпускного и осел в Одинцове, хотя первоначально планировалось, что в этом городе семья то ли мостостроителя, то ли инженера-дорожника задержится не более чем на год-полтора. Папа Газировки действительно через год с небольшим уехал куда-то далеко в Сибирь на строительство очередной трассы, оставив семью в Подмоскovie. Восстала против кочевой жизни мама Олежки, которая впервые за полтора десятка лет семейной жизни обрела, хотя и в коммуналке, собственный угол, причем в непосредственной близости от Москвы. Весомым аргументом было и то, что сын должен учиться в нормальной школе, а там, куда отправлялся папа-мостостроитель, с получением среднего образования было туго.

Возможно, если бы отец Газировки настоял и забрал семью с собой, судьба Олега сложилась бы по-иному, но, осев в Одинцове, счастливой жизни и покоя сын с матерью не получили. Папаша растворился где-то в таежных просторах и еще полтора года присылал довольно приличные суммы, однако потом в один момент поток дензнаков иссяк, и семья Зурнаджиевых резко села на мель. Мать трудилась на двух работах, чтобы «поднять» сына, но тот подниматься особого желания не испытывал. Кое-как окончил школу, в вуз, естественно, не поступил, в армию не взяли по хилости здоровья, а работать особого желания у Олежки не было. Болтался, как экскременты в проруби, подрабатывал то грузчиком в магазине и на рынке, то подсобником на стройке, но нигде больше месяца-двух не задерживался. Так что основным источником жизни семьи Зурнаджиевых продолжали оставаться заработки матери. Из коммуналки они так и не выбрались, жили вдвоем в двенадцатиметровой комнатухе.

Пил Газировка постоянно, но в меру. И с деньгами были трудности, да и здоровье не позволяло излишне окаянствовать на ниве питания. Олежка с воодушевлением воспринял появление в Одинцове своего школьного товарища и его относительную состоятельность. Выпить и закутить на халяву Газировка был всегда готов, а тут еще и сдача на сигареты перепала...

В общем, сделался Олежка верным оруженосцем впавшего в загул Стаса Гордеева. Пользы от него было немного, но в магазин сгонять – пожалуйста, найти среди ночи работающий бар – нет проблем, да просто – живая душа рядом. Кстати, и местная милиция не то чтобы уважала Олежку, но знала, что неприятностей от парня ждать не приходится – тихий он алкаш, безвредный. Потому менты зря не приставали, а заодно с ним и Гора не трогали.

Вот только неприятности недолго обходили стороной бывшего капитана спецназа. Забрели однажды поздно вечером Стас с Газировкой в придорожное кафе на окраине, расположенное у Можайского шоссе. Хотели просто пива выпить, а нарвались на крупный скандал с серьезными последствиями.

Приняли они в баре по сто граммов водочки, загладили наркомовскую дозу кружечкой разливного пива, с собой прихватили по паре бутылочек и отправились восвояси. Вот только уйти им далеко не пришлось, прямо у входа в кафе под фонарем друзья поимели неприятности. И нет чтобы обойти стороной, так не выдержал Станислав, ввязался в чужие разборки.

А как не ввязаться было, если трое здоровенных парней с бритыми затылками пытались затащить в черный с тонированными стеклами «Лэнд Крузер» невысокую стройную девушку в джинсах и темно-фиолетовой блузке. Это уже после припомнил Гордеев, что не тащили они девушку, а теснили ее к машине, стараясь не причинить вреда. И одеты парни были вполне даже прилично – все в строгих костюмах, при белых сорочках и галстуках. Вряд ли эта компания была из Одинцова, вероятнее всего, москвичи резвились. Можайская-то трасса вон она – в пятидесяти метрах от кафе проходит, и, хоть на дворе поздний вечер, движение по шоссе куда как оживленное.

Девушка отбивалась от похитителей отчаянно, причем вполне достойно – это Гор как профессионал оценил. Конечно, на супермастера рукопашного боя дама не тянула, но серьезная школа карате-до чувствовалась. По ощущениям Станислава, до черного пояса девушке было далеко, но работала она качественно. И уж совсем удивительно, ее техника была жестко-контактной, по крайней мере, ограничений в движениях и проведении приемов, присущих чистым спортсменам, Гор не различал.

Девушка стремительно перемещалась по крохотному пятачку, ограниченному «Лэнд Крузером» и тремя обидчиками, градом рассыпая удары направо и налево. Правда, парни не терялись, умело защищаясь и тесня каратистку к открытой задней дверце джипа. Но девушка все равно пробивала блоки и доставала верзил, жая их острыми выпадами. Вот один здоровяк от ее удара ногой в грудь с закрутки пошатнулся и отступил на пару шагов. Второй попытался закрыть образовавшуюся брешь, но сам немедленно получил удар голенью в поясницу и застыл от боли соляным столбом, расставив руки в стороны.

Однако как ни крути, а силы сторон неравные, и было видно, что девушка бьется с противником из последних сил. С каждой минутой темп боя падал, редкие удары достигали цели, а прыжки и закрутки уже не давали должного эффекта, не несли дополнительного ускорения...

– Эй, мужики, вы чего девчонку обижаете?! – неожиданно вырвался у Гордеева возглас. – Трое на одну – неправильный расклад.

Честно говоря, у Гора не было особого желания вмешиваться в чужую свару. Просто для порядка возмутился да девушку стало немного жалко. Дерется неплохо, фигурка ладная и личико не подвело, а эти бугаи даму без ее воли... Стас, хотя и в подпитии крепком был, однако скоро разобрался, что ситуация не простая складывается. И грубым похищением здесь, похоже, не пахнет. Парни девушку к машине аккуратно теснят, стараясь не применять силу. А тот, который в грудь пяткой заработал, по имени назвал и на «вы» вежливо, хотя и с металлом в голосе, обратился к ней: «Анна, прошу вас сесть в машину!»

Но, как говорится, слово не воробей... Вопрос был задан, и на него последовал ответ. И, что самое интересное, Гордеев услышал примерно то, что в глубине души и ожидал услышать. Ты, друг, не нарывайся! А если охота нарваться?!

– У тебя, козла, не спросили, – не оборачиваясь, потирая ушибленную поясницу, бросил стоявший ближе всех к Стасу парень. – Пшел вон, пьянь болотная!

– Ты кого козлом назвал? Пьяню болотной... – зловеще спросил Гордеев, с которого в мгновение слетел хмель. – Ты, падла, меня, капитана, закозлить хочешь?!

– Стас, не ввязывайся! – жалобно попросил стоявший рядом Газировка и потянул приятеля за рукав. – Они же – натуральные бронтозавры. Стопчут – и не заметят. Пошли отсюда!

Но Станислава уже было не остановить. Он почувствовал, как задрожало тело и тепло побежало по мышцам. И это не являлось пьяной тряской, и дрожь пришла от предчувствия боя, от адреналина, Ниагарой выплеснувшегося в кровь. Обида на всех и на все, долгие недели копившаяся в его душе, похоже, нашла выход.

– Ребята, как мне вас не хватало! – едва не застонал от разом нахлынувшего счастья Станислав. – Олежка, радость моя, отойди в сторонку! Вон туда, к урне хляй. А я пока с ребятами потолкую о жизни, подискутирую...

Не выпуская из рук бутылок с пивом, Гор шагнул к парню, осмелившемуся оскорбить его. Тот мгновенно понял, что ему с тыла грозит опасность, и, развернувшись, принял боевую стойку. Хотя Стаса малышом назвать трудно, как-никак рост метр восемьдесят три и вес под девяносто – вполне соответствующий росту, его соперник был на голову выше Гордеева, не говоря уже о массе, явно избыточной для бойца-рукопашника, но достойной качка-культуриста.

Здоровяк оценивающе окинул взглядом Гора и, похоже, остался доволен тем, что увидел. На его лице появилась презрительная гримаса. Парень разжал левый кулак и поманил к себе пальцами нежданного заступника девицы.

Станислав, добродушно улыбаясь, вразвалочку двинулся к качку. Он подошел почти вплотную, не выказывая агрессивных намерений, в отличие от противника, который, как только Гор оказался на расстоянии удара, молниеносно выбросил увесистый, размером с хорошую дыню кулак в его физиономию. Хук правой в челюсть, если бы достиг цели, зубы Гордееву точно бы переполовинил, однако подобный исход бывшего капитана не устраивал. Резко дернув вправо головой и пропустив кулак мимо лица, Стас повел в ту же сторону тело, одновременно выбрасывая колено в живот соперника. Можно, конечно, было сработать и руками, но они были заняты бутылками с пивом...

Здоровяк застыл в мгновенно поразившем его параличе от болевого шока, забросив руку, которой он собирался крушить челюсть, за шею Гордеева. Похоже, Гор не только угодил коленной чашечкой в солнечное сплетение, но и сокрушил пару-тройку ребер – кто же их считать будет. Колено у Стаса, давно не тренированное, наверное, из-за этого немного и заныло.

– Эй, ласковый мой, мы так не договаривались, – сбрасывая с шеи чужую руку, проговорил Гор. – Отдохни, проказник!

Он с разворота нанес короткий и мощный удар локтем в грудь качка. Парень, пытавшийся широко открытым ртом поймать воздух, на короткое мгновение замер, а затем закатил глаза и навзничь рухнул на асфальт.

Неожиданно тонко за спиной закричал Газировка, предупреждая о надвигающейся опасности. Но Станислав и без чужой помощи прекрасно контролировал поле боя.

– Друзья спешат на помощь?! – хохотнул Гор. – Ты кто? Чук или Гек?

Один из товарищей поверженного наземь здоровяка, оставив возню с девицей, бросился на обидчика. Он преодолел несколько метров, их разделяющих, плавными стелющимися шагами. На последнем шаге «Чук» вошел в стремительную закрутку и выбросил ногу в сторону Гордеева. Прием был исполнен качественно, на оценку «отлично», вот только результат оказался плачевным. Стас, в доли секунды разобравшись в намерениях соперника, изящным, почти балетным па, только ускоренным на порядок, протанцевал тройку шажков и неожиданно оказался сбоку от атакующего. В то же мгновение Гор предплечьем поймал бедро находящегося в прыжке противника и мощно рванул его вверх. Потеряв равновесие, тот вниз спиной полетел на мостовую. Одновременно с тем, как парень коснулся земной тверди, кулак с зажатой в нем бутылкой пива опустился на его грудь. Астматическое удушье немедленно перехватило легкие «Чука», лишив его дыхания и сил. Он почувствовал, что теряет сознание...

– Гек! Ну, ты не прав! – только и успел выдохнуть Стас, повернувшись к третьему противнику.

Причем произнес это он по разделениям. В короткой паузе между обращением и утверждением о неправоте визави Гор неуловимо быстрым движением с силой метнул бутылку с пивом в направлении собеседника. На это были свои причины, а конкретнее – пистолет, явившийся на свет из наплечной кобуры. «Гек» успел вырвать его из-под пиджака и даже попытался направить на Станислава, но выстрелить не успел. Хотя, возможно, товарищ пытался просто напугать Гора...

Ему бы повнимательнее быть, летящую бутылку в полутьме разглядеть и увернуться, а не стволом махать, но, увы, подобного не произошло. Очень часто оружие, как правило – огнестрельное, придает владельцу излишнюю самоуверенность. Однако, по утверждению классика, и бульжник есть орудие пролетариата, не говоря уже о пивной бутылке, особенно если она врезается краем доньшка аккурат в височную кость...

Глава 3. Кончен день забав

С начала боя прошло не более двух минут. Три неподвижных тела распластались по асфальту. Хотя нет, тот парень, которого Станислав уложил первым, уже подавал признаки жизни. Не открывая глаз, он пошевелился и застонал. По-хозяйски оглядев поле боя, Станислав перевел глаза на девушку и улыбнулся. Ее лицо отражало крайнюю степень изумления.

– Как вы их! – растерянно и одновременно восхищенно произнесла она. – Прямо Терминатор какой-то!

Она еще не восстановилась после схватки с превосходящими силами противника и тяжело дышала, часто вздымая обтянутую блузкой грудь.

– Это чтобы не грубили, – деловито подытожил Гор и поднял с асфальта чудом не разбившуюся бутылку с пивом. – И фляжка цела. Повезло... Мастерство не пропешь! Верно, Олежка?

– Стас, валим отсюда! – вместо ответа тревожно выпалил Газировка. – Менты на подходе! Действительно, вдалеке слышался рев автомобильной сирены.

– Как это они так быстро среагировали? – удивился Станислав. – Надо ноги делать!

– Мальчики, я с вами, – неожиданно прозвучало заявление девушки.

– Куда с нами? – не понял ее Гордеев.

– Куда вы, туда и я. Мы теперь одной веревочкой повязаны, – безапелляционно выдавала каратист-девица. – А еще вы теперь отвечаете за того, кого приручили. То есть за меня.

– Ни фиги себе – Маленький принц, – немного растерянно сказал Стас, разглядывая девушку. – Или Лис? А если точнее – лисичка.

На вид ей можно было дать лет двадцать пять, максимум – двадцать семь. Привлекательная шатенка с короткой стрижкой смотрела на Гора открытым, почти детским взглядом. Стройная и одновременно тренированная ладная фигурка также радовала мужской глаз. Но вот заявление «куда вы, туда и я», опять же с чисто мужской точки зрения, настораживало. Уж очень эти слова по смыслу походили на мелодраматически-классическое «я твоя навеки». Но размышлять на вечную тему времени не было – сирена приближалась.

– Стас, валим! – жалобно возопил Газировка, выглядывая из-за угла кафешки, куда он благоразумно ретировался. – Давай сюда!

– Ходу, резвые, – обращаясь ко всем и ни к кому конкретно, бросил Гордеев и поспешил за другом.

Девушка, решив, что эти слова непосредственно относятся и к ее персоне и являются положительным ответом на заявку о приеме в компанию двух друзей, пристроилась позади Гора.

Газировка знал все проходные дворы Одинцова, подворотни и маршруты милицейских патрулей, поэтому до квартиры Стаса они добрались без приключений. Кстати, сирена, которая их испугала, принадлежала вовсе не милиции, а карете «Скорой помощи», промчавшейся к Можайскому шоссе и удалившейся по трассе в московском направлении. Вероятно, медики спешили на очередную автомобильную аварию, которые нередко случались в этих местах, о чем авторитетно поведал спутникам Олежка Зурнаджиев.

Они зашли в квартиру. Стас прошел на кухню и поставил две бутылки с пивом в холодильник. Газировка свое пиво водрузил на стол в комнате, включил телевизор и уселся в кресло. Девушка стояла в прихожей и с интересом разглядывала окружающую обстановку. Никто не произносил ни слова. Первой не выдержала гостья.

– Ну и бардак у вас, мальчики! – восхищенно заявила девушка.

– Как умеем, так живем, – философски заметил Гордеев, открывая банку со шпротами.

– А может, для порядка познакомимся? – поинтересовалась девица.

– Стас, – из кухни коротко представился Гордеев. – Он – Олег.
– Очень приятно! А меня зовут Анной, можно – просто Аня, – доложила гостья.
– Слыхали, – подал голос Газировка. – «Анна, прошу вас сесть в машину!»
– А вы наблюдательны, Олег, – усмехнулась девушка.
– Это слух у меня хороший, – уточнил Газировка. – А вот зрение не очень – минус два с половиной.

– А как у вас с воспитанием? Вы не хотите пригласить даму пройти в гостиную и присесть?

– А может, еще и пива налить? – ехидно поинтересовался Олежка.

– Не откажусь. Но только если чистый стакан найдется...

– А из горла слабо? – прищурился Газировка.

– Не слабо, но предпочитаю стакан, – твердо заявила Анна.

– Тогда проходи, – дернул плечами Олежка. – Все равно же тебя девать некуда.

– То есть как – некуда?! – оскорбилась гостья. – Я могу и уйти!

– И опять нарвешься на каких-нибудь козлов на джипере... – мотнул головой Газировка в сторону окна. – На улице, глянь, ночь непроглядная. Или же с ментами местными знакомство заведешь. И еще подумать надо, от кого больше неприятностей поймешь, ночной мотылек.

– Да-а, гостеприимные вы, мальчишки, – поджав губы, сухо сказала девушка. – «Заходи, не бойся, все равно деваться некуда...» А второй вообще молчит, как в рот воды набрал. Трех отборных секьюрити, в подпитии мимо прогуливаясь, на асфальт уложил и девушку невинную умыкнул.

– Сама напросилась, – хмуро уточнил Гордеев, заглядывая в комнату из кухни. – Типа мы ее приручили... Есть будешь, прирученная?

– Нет, ну вы посмотрите, опять на хамство нарвалась! – делано растерянно сказала гостья. – А вот насчет того, чтобы перекусить, – предложение толковое. Что у вас на ужин, сеньор? Седло барашка или жаркое из мяса вапити в манговом соусе?

– Щас, миледи! У нас барашки в санузле отарами пасутся, и манго на балконе круглый год колосится... Шпроты, огурцы свежие и хлеб вчерашний ваше сиятельство устроят? – хмуро глянул на девушку Гор.

– Никакой романтики! – вздохнула Анна. – Огурцы!.. Да уж неси все, мочила с человеческим лицом.

– А вот за мочилу можно и получить! – предупредил Стас.

– Молчу, молчу, – приставила указательный палец к губам девица. – Да тащи ты быстрее свои шпроты, а то у меня с утра маковой росинки во рту не было. Чашку кофе только в обед выпила...

Гордеев принес и поставил на стол нехитрую закуску согласно озвученному меню, а также чистый стакан для дамы и вилки по числу присутствующих.

– А покрепче ничего у нас не завалилось? – с надеждой спросил Газировка. – Может, мне сгонять?

– Все сметено могучим ураганом, – буркнул в ответ Стас. – Пивом обойдемся.

– Как скажешь, товарищ, – грустно согласился Олежка. – Похоже, вечер сегодня как бы и удался, однако его программа урезана до минимума...

Поздний ужин прошел в молчании и неспешно. Две бутылки пива распили на троих. Газировка покушался и на оставшиеся, те, которые Гор определил в холодильник, но хозяин строго предупредил, что до утра они переходят в состояние стратегического резерва и употреблению по прямому назначению не подлежат.

– Тогда спать, – уныло констатировал Олежка. – Мне где располагаться: на кухне или в ванной?

– На кухне, – стал распределять спальные места Стас. – Раскладушка знаешь где – на антресолях. Анна, как гостя, занимает диван. Чистое постельное белье в шкафу вроде бы осталось. Я нынче сплю на полу, на спальнике. Еще вопросы имеются?

– Мальчики, вы меня грязно домогаться, надеюсь, не станете? – невинно захлопала длинными ресницами девушка.

– Было бы кого домогаться, – презрительно поморщился Газировка. – Тоже мне Мэрилин Монро.

– Мы только по согласию. И, вообще, дам не обижаем, – сухо сообщил Гордеев. – У нас другой профиль.

– И на том спасибо, – склонила голову перед друзьями Анна. – Что вообще и не Мэрилин... А я вам за это посуду помою.

– Хоть какой-то толк будет, – очередной раз фыркнул Олежка и полез на антресоли за раскладушкой.

Похоже, Газировке новая знакомая к душе не пришлась. Стас был несколько другого мнения о госте, но вслух его не высказывал, правда, и инициативы к сближению не проявлял.

Анна, как и обещала, помыла посуду, наваленную горкой в раковине, и, более того, навела на кухне относительный порядок: протерла давно не мытые полы и полки в шкафчиках и расставила утварь по своим местам.

Трудилась девушка с огоньком, негромко напевая. Правда, со слухом у Анны было не очень, да и репертуар оказался практически незнакомым Гордееву. Стас с трудом узнал одну песню, исполняемую Агузаровой, а остальные он никогда не слышал. Хотя, вполне возможно, пение Анны было настолько оригинальным, что опознать в ее фальшивом мурлыканье первоисточник было весьма и весьма нелегко.

Чтобы не стоять над душой трудящейся дамы, Гордеев отправился в ванную и принял холодный душ. Газировка в это время, набычившись, сидел в кресле и бездумно смотрел телевизор. Затем они произвели рокировку. Олежка с раскладушкой отправился на кухню, Анна сменила Станислава в ванной, а хозяин квартиры, достав из шкафа спальник, расстелил его на полу в комнате и с чувством выполненного долга растянулся на жестком ложе.

Он почти сразу погрузился в дрему, иногда приоткрывая глаза на шорохи, производимые постоялицей, и ее легкие шаги. Анна, завернутая в банное полотенце, пару раз пробежала из ванной в комнату и обратно, достала из шифоньера чистое белье и застелила диван. Несколько раз девушка щелкнула барахлившим выключателем и погасила свет. Чуть-чуть повозившись на старом скрипучем диване, и она скоро затихла.

«Выключатель надо бы с утра отремонтировать, – проваливаясь в сон, подумал Гордеев. – Это если до утра доживу...»

Пессимизм Станислава не оправдался. До утра он дожил, точнее – доспал без происшествий, однако с ремонтом выключателя пришлось повременить.

Стас открыл глаза около семи утра. Он, может, и дольше бы поспал, но его разбудил Газировка. Олежка, проснувшись, немедленно полез в холодильник, тем более что тот был от него на расстоянии вытянутой руки, и загремел бутылками. Станислав внимательно прослушал, как товарищ с хлопком открыл пробку и жадными утробными глотками стал поглощать пиво. Он скосил глаза на диван и увидел, что его гостя тоже проснулась. Девушка улыбнулась и кивнула в сторону кухни.

– Котлы горят, – со знанием дела прокомментировала она доносившиеся звуки.

– Россия! Утро! – философски заметил Гор.

– Да уж, – скептически подтвердила Анна. – Кто первый идет в ванную?

– Уступаю очередь даме, – великодушно согласился Стас и повел подбородком в сторону кухонной двери. – А я пока Олежку поддержу...

– А без этого никак нельзя? – холодно спросила девушка.

– Можно, но неинтересно, – изобразил на лице невинное выражение Гор и безмятежно добавил: – Будешь наезжать, выгоню без утреннего кофе.

– Ну никак не терпится от меня избавиться, – проворчала Анна. – Синие Бороды какие-то...

Станислав зашел в кухню к Газировке, открыл пиво и сделал пару глотков. Олежка, как всегда с утра, был не в духе. Он уже оприходовал свою долю и теперь с хмурым вождением следил за действиями товарища. Стас еще глотнул немного пива и подвинул бутылку Газировке.

– Если хочешь, допивай, – предложил Гордеев и включил электрочайник.

– А ты как? – обеспокоился Олежка.

– Обойдусь, – мотнул головой Гор. – Мне еще Карфаген брать аккурат после завтрака. Слышишь, труба зовет?

– Трубы не слышу, – в перерыве между глотками сообщил Олег. – В ванной вода льется...

– Счастливый, – вздохнул Гордеев. – Неразумное дитя природы! А вот мне по утрам все труба да барабанный бой чудятся.

Труба не запела и барабан не застучал, а вот в дверь позвонили – трижды и очень настойчиво. Но это случилось несколько позже, после того, как Станислав умылся, побрился, и все втроем они уселись пить кофе. Растворимого напитка наскребли на доньшке банки на двоих. Газировку, как принявшего полуторную дозу пива, общим голосованием из списка кофеманов вычеркнули, на что он обиделся, заварил чайный пакетик и отправился смотреть телевизор.

– Кого это с утра пораньше несет? – обеспокоенно прошел из комнаты Олежка. – Мы вроде никого не приглашали.

– Посмотрим, – пожал плечами Гордеев и, оставив чашку с кофе, отправился в прихожую.

Глава 4. Двое сбоку, ваших нету

Он открыл замок, распахнул дверь и застыл. На него были направлены два пистолета. Темные зрачки дульных отверстий и напряженные лица утренних гостей, чьи пальцы лежали на спусковых крючках, не оставляли надежд на то, что эти люди ошиблись квартирой или решили разыграть бывшего капитана. «Глок» «семнадцатый» и «ПСС», – профессионально определил стволы Гордеев. – Классные машинки! С предохранителей обе сняты. Кстати, «пээсэска» состоит на вооружении отечественных спецслужб. Видно, что не простые люди пожаловали. Ну что же, милости просим! Суетиться – себе дороже...»

Стас медленно поднял руки на уровень плеч.

– Три шага назад! – громко заорал тот, кто был вооружен «глоком». – Дернешься, стреляю без предупреждения!

– Есть три шага назад, – с готовностью продублировал команду Станислав, аккуратно отступил в прихожую, озвучив при этом старый армейский анекдот: – Стой, стрелять буду! Стою! Стреляю!

На его шутку парни со стволами никак не отреагировали. Они внимательно проследили за действиями Гордеева и сами пришли в движение. Человек с «ПСС» переступил через порог, а его место занял еще один вооруженный пистолетом гражданин. «Пээсэсник» боком проскользнул по прихожей мимо вежливо посторонившегося Гора в квартиру.

«Хреново работаете, ребята, – лениво подумал Стас. – Бою на ограниченном пространстве вас точно не учили».

Гор без проблем мог прикрыться балбесом, протискивающимся мимо него, и никакой бы «ПСС» тому не помог. И сработал бы он так, что второй гость, который грозился стрелять без предупреждения, при хорошем раскладе ничего бы сделать не сумел, а при плохом – продырявил своего товарища. Однако Станислав не стал изображать из себя Мальчиша-Плохиша и никак не отреагировал на протискивающегося «пээсэсника».

За его спиной раздался истошный крик:

– На пол! Лежать! Руки за голову!

Судя по громкому шлепку, произведенному падением тела на голый линолеум, Газировка перепугался не на шутку. Зато Анна отреагировала очень даже спокойно на появление в квартире человека с пистолетом. Произошедший между ними диалог был незамысловат, но красочен:

– Да пошел ты, придурок! Убери свою пукалку! Вконец достали, секьюрити долбаные!

– Анна Дмитриевна, я попрошу вас...

– У жены просить будешь!

– Анна Дмитриевна, ну зачем вы так!

– Как умею, так и могу...

Не требовалось быть семи пядей во лбу, чтобы разобраться, что в квартиру к Стасу заявились товарищи тех, кого он так сильно обидел вчера. А то, что его сразу не бросили на пол и в сей момент ногами ребра не крушат со всей пролетарской ненавистью и упорством, наводило на мысль, что некто, на кого эти парни работают, распорядился подобного действия не производить. Правда, Станиславу окончательный расклад был пока непонятен. Возможно, что главный «инкогнито», прежде чем дать команду «фас» рассерженным секьюрити, решил взглянуть на Гора в его натуральном виде или же... В общем, время покажет, что его ждет, причем случится это очень скоро.

Это самое «скоро» наступило не более чем через пять секунд.

По чьей-то властной команде дула пистолетов ушли вверх, а их владельцы отступили от порога квартиры Гордеева на пару шагов назад. В дверном проеме возникла внушительная

фигура седовласого гражданина. На вид ему было далеко за пятьдесят. Рубленые черты лица, твердый подбородок, глубокая складка, оттеняющая широкие, жестко сложенные губы, предполагали, что этот человек привык руководить, повелевать, командовать – нужное подчеркнуть.

Он остановился на пороге и внимательно оглядел Станислава.

Ни единый мускул не дрогнул на лице, не дернулась бровь, не шевельнулись уголки рта – седовласый ничем не показал, какое впечатление произвел на него Гор.

– Опустите руки, капитан, – негромко скомандовал гость. – Надеюсь, вы пригласите меня зайти?

– А у меня есть выбор? – усмехнулся Гордеев. – Если на тебя три ствола смотрят... Но это, в принципе, не важно. Проходите, гражданин хороший, уж не знаю, как вас величать, как встречать, куда сажать, чем потчевать.

Обращение «капитан» Гордеев принял к сведению, однако акцентировать свое внимание на данном факте не стал, даже глазом не моргнул. Уж если эти люди смогли вычислить его квартиру, не имея даже малой зацепки, то добыть сведения, кто он такой, откуда и зачем живет на этом свете, вряд ли представляло для них большую трудность. Вот только насчет малой зацепки еще стоило поразмыслить...

Станислав прошел вперед, разминуться с седовласым с его крупными габаритами в тесной прихожей возможности не представлялось. Гордеев понимал, что к нему прикованы глаза не только этого человека, но как минимум еще двоих бодигардов с пистолетами, готовых в любой момент кинуться на защиту объекта. Поэтому двигался он медленно, почти по разделениям, не делая резких движений, чтобы не дать гостям повода к недружественным действиям.

Стас прошагал из прихожей на середину комнаты и повернулся лицом к гостю. Правда, перед этим он успел провести осмотр квартиры. Бедняга Газировка лежал на полу головой к работающему телевизору, уткнувшись физиономией в линолеум и закинув руки за голову. Над ним с грозным видом стоял «пээсэсник». Анна же сидела на диване, отвернувшись к окну. Девушка всем своим видом показывала, что весь этот спектакль ей если не противен, то, по крайней мере, скучен. Седовласый остановился на пороге комнаты и внимательно огляделся. Его взгляд на мгновение задержался на девушке, затем опустился на аккуратно свернутое постельное белье на диванной подушке. Не ускользнул от взгляда гостя скатанный спальник и раскладушка, которые Гор и Газировка не успели затолкать соответственно в шкаф и на антресоли.

Станислав едва не рассмеялся, разгадав ход мыслей утреннего гостя. Не иначе престарелый «папик» исследует, не предавалась ли этой ночью юная пассия любовным утехам с умыкнувшими ее бесшабашными молодцами.

– Здравствуйте, Анна Дмитриевна, – сухо, без проявления каких-либо эмоций поздоровался седовласый.

– Здравствуйте, Дмитрий Васильевич, – эхом откликнулась девушка, продолжая смотреть в окно.

Совпадение отчества девушки и имени утреннего гостя, да, собственно, и тон, с которым они поздоровались, несколько насторожили Стаса, а точнее – дали повод для размышлений.

Правда, раздумывать долго не пришлось. Дальнейший диалог все расставил по своим местам.

– Как спалось, дочка? – все так же бесцветно спросил Дмитрий Васильевич.

– Прекрасно, папа, – доложила Анна. – Я давно так крепко не спала.

– И чем же эта крепость обусловлена? – недоуменно поднял брови утренний гость.

– Вероятнее всего, ощущением безопасности, – безмятежно доложила девушка.

– То есть дома, под охраной моих людей ты чувствуешь себя тревожно?

– Я чувствую себя дурой, которую оберегают, как китайскую вазу эпохи Цинь, непонятно от кого и зачем, – парировала Анна. – Сдувают с меня пыль и не подпускают никого на расстояние ближе километра. А здесь до меня никому дела нет: хочешь, спи, хочешь, гуляй... Это, папа, кстати, называется свободой.

– Позволь мне судить, от кого и как тебя оберегать, – хмуро заметил Дмитрий Васильевич. – И свобода – вещь очень даже относительная.

– Относительно тебя, надо полагать. Ты определяешь, как мне жить и с кем дружить, – насупила брови девушка.

– Об этом мы с тобой поговорим дома, – обрезал суровый папаша, – здесь слишком много посторонних.

– Отчего же? – делано изумилась Анна. – Мне твои церберы роднее всех родных. С утра до ночи вокруг меня выются, как пчелки вокруг куста цветущего жасмина. Только в туалете от них и можно спастись. Так сказать, уединиться...

– Я сказал, продолжим беседу дома, – сквозь зубы процедил Дмитрий Васильевич. – У меня мало времени.

– Кто бы сомневался, – фыркнула Анна. – На дочь времени, как всегда, не хватает!

Она осеклась под тяжелым взглядом отца и замолчала, отвернувшись к окну.

– Продолжим разговор дома, – повторил Дмитрий Васильевич. – А сейчас я хочу побеседовать с этим молодцом, твоим спасителем от назойливого внимания тирана отца.

Станислав внимательно наблюдал за пикировкой отца с дочерью. Его губы изредка кривила полуулыбка-полуусмешка. Расслышав последние слова седовласого, он подтянулся, приняв стойку «смирно» и изображая всем своим видом готовность к разговору. Дмитрий Васильевич исподлобья оглядел Гордеева.

– Вы знаете, кто я такой? – после недолгой паузы глухим голосом обратился он к молодому человеку.

– Никак нет. Не имею чести быть представленным вашему высокопревосходительству, – по-уставному отчеканил Стас. – Хотя лицо знакомо... Вы, господин хороший, в лейб-гвардии Павловском полку не служили?

– Не паясничайте, капитан, и отвечайте на мои вопросы, – сверкнул из-под густых бровей глазами Дмитрий Васильевич. – Это в ваших же интересах.

– Даже так? – улыбнулся Гордеев. – С детства не могу понять, почему все вокруг знают, что мне интересно, а что нет, и один я остаюсь в неведении. Сначала родители, потом школьные учителя, преподаватели в училище, командиры – все, кроме меня, а теперь еще и вы, – рассказывали и указывали, что нужно бедному Стасику.

– Мне повторить вопрос? – вперился жестким взглядом в лицо Гордеева седовласый.

– Я уже ответил на него, – сухо произнес Стас. – Мы друг другу не представлены, но лицо ваше мне знакомо. Имя и отчество я узнал из вашего разговора с дочерью несколько минут назад.

– Пусть будет так, – уклончиво согласился Дмитрий Васильевич. – Может, моя фамилия вам что-нибудь скажет: Анчар!

– Уже теплее, – удивленно поднял брови Гордеев. – Вы, случайно, не тот генерал-лейтенант Анчар, который не дал случиться резне в Белом доме, а потом и сам стал депутатом Государственной думы?

– Именно тот Анчар, – небрежно кивнул в ответ Дмитрий Васильевич. – Правда, было это давно и обросло дремучими слухами.

Станиславу была известна история осады Белого дома, в котором забаррикадировался мятежный Ельцину Верховный Совет.

Только чудо, а точнее – воля и настойчивость генерал-лейтенанта Анчара и еще пары трезвых голов остановили отряд специального назначения «Альфа», который «младорефор-

маторы» в августе девяносто третьего года пытались бросить на штурм. Какое бы море крови пролилось, если бы «решительные» задумки людей, разбирающихся в боевых действиях, как свинья в апельсинах, осуществились, можно было только предполагать. Через два года по той же преступной бездумности и некомпетентности в Чечне людей не пожалели и крови не испугались. Не нашлось второго Анчара, чтобы их остановить.

– Тогда и мне разрешите представиться, – бросил вниз подбородок Стас. – Гордеев Станислав Николаевич, в настоящее время рядовой безработный, в прошлом...

– Я все о вас знаю, капитан, – перебил его Анчар и тут же уточнил: – Или почти все...

– И чем обусловлено такое внимание к моей скромной персоне? – в очередной раз поинтересовался Стас.

– А то вы не понимаете? – мрачно буркнул Дмитрий Васильевич. – Моя дочь проводит ночь в компании с какими-то пьяными молодчиками... Чему вы смеетесь, капитан?

– Когда вы ворвались и стали изучать постельное белье, я подумал, что Анна ваша... как бы мягче выразиться... Ну, в общем, юная содержанка.

– Что?! – У Анчара глаза стали шире чайных блюд. – Анна... она... содержанка? Да я вас в порошок сотру!

Анна, услышав, о чем идет речь, прыснула в кулачок. Стас, увидев, как побагровело лицо Дмитрия Васильевича, понял, что надо выправлять ситуацию. Причем сделать это нужно как можно скорее, чтобы не пасть на поле брани. Выражение крайней свирепости, в мгновение ока появившееся на физиономии бывшего генерала, недвусмысленно намекало, что пленных он не берет.

– Но я сразу понял, что ошибся, Дмитрий Васильевич, – клятвенно заверил рассерженного папашу Станислав. – Приношу вам свои глубочайшие извинения.

Кровь потихоньку стала отливать от лица Анчара, и Гордеев, чтобы еще более разрядить обстановку, задал собеседнику невинный по форме, но коварный по содержанию вопрос:

– Дмитрий Васильевич, а как вы сумели вычислить мою квартиру? Зацепок вроде никаких мы не оставили, да и всего-то прошло семь-восемь часов с нашего с Анной знакомства.

– Невелика проблема, – поморщившись, хмуро сообщил Анчар. – Вас, а точнее – вашего друга, слишком хорошо знают в этом городишке. Продавщица магазина раскололась на счет ноль и сообщила, что моих людей положил товарищ какого-то Нарзана.

– Не Нарзана – Газировки, – аккуратно уточнил Гордеев. – Кстати, можно ему подняться с пола? Человек он безвредный, не то что я...

– Не имеет значения, – отмахнулся Дмитрий Васильевич. – Нарзан, эссендуки, боржоми... Пусть поднимется. Одинцовской милиции этот газированный человечек, как и адрес проживания, хорошо известны. Его мамаша без малейшего сопротивления выдала координаты вашей берлоги.

– Маму зачем потревожили? – подал голос Олежка. – Она-то что вам плохого сделала?

– Такого, как ты, сына родила, – отрезал Дмитрий Васильевич. – Заткните рот этому придурку! И выключите наконец телевизор!

– Помолчи, Олег, – бросил товарищу Стас.

– Так что к встрече с вами, капитан, мы были готовы уже через полтора часа после случившегося конфликта. И штурм этой квартиры мог состояться примерно к часу ночи. Но... – Анчар сделал многозначительную паузу, – мне захотелось узнать, кто такой этот Рэмбо, в подпитии, походя уложивший моих отборных охранников.

– И что же вы узнали?! – осторожно спросил Гордеев.

– Немало интересного, – бесстрастно сказал Анчар. – Гордеев Станислав Николаевич, капитан спецназа, заместитель командира группы...

– Бывший капитан, бывший заместитель, – перебил его Стас.

– Дважды ранен, единожды контужен, награжден орденом Мужества и двумя медалями «За отвагу», – продолжил оглашать послужной список Гордеева Дмитрий Васильевич. – Владеет практически всеми видами огнестрельного и холодного оружия, инструктор рукопашного боя, черный пояс по карате-до и айкидо, мастер русбоя. Уволен из рядов за дискредитацию звания офицера.

– Что вам от меня надо? – резко, едва не выкрикнув, спросил Гордеев. – Хотите унижить? Лишний раз пнуть? Да, я уволен за дискредитацию, по моей вине погибли люди...

– Они погибли по чистой случайности, – остановил его Анчар. – А уволили вас, капитан, за то, что вы набили морду сынку высокопоставленного чиновника.

– Откуда вам это известно? – настороженно спросил Стас.

– Мне много чего известно, молодой человек, – усмехнулся Дмитрий Васильевич. – А что мне от вас надо...

Он на секунду замолчал, а далее, ни на кого не глядя, коротко, но властно бросил:

– Освободить помещение, – и после секундной паузы, вероятно, в целях общей доступности сказанного и ускорения процесса негромко уточнил: – Всем вон!

Глава 5. Согласие как продукт непротивления сторон

Первым из комнаты выскочил Газировка. У Олежки имелось немало недостатков, однако в сообразительности и чувстве самосохранения отказать ему было нельзя. Он быстро разобрался, что его персону менее всего интересует незваных утренних гостей, однако понимал, что может попасть под общую раздачу, поэтому по команде Анчара метнулся в прихожую едва ли не быстрее, чем спринтер на старте стометровки, а затем бросился за порог квартиры.

Охранники покидали жилплощадь Гора более организованно. Бесшумно и безмолвно, один за другим, будто прикрывая друг друга, они выдвинулись в прихожую и далее – на лестничную площадку.

Анна уходила классически по-женски: фыркнув на прощание, высоко подняв голову и изображая холодность и презрение.

Анчар, выждав, когда за дочерью захлопнется входная дверь, еще раз огляделся. Его взгляд на мгновение остановился на кресле, однако долго на нем не задержался. Дмитрий Васильевич подошел к дивану, нагнулся, зачем-то пощупал его, словно проверяя на мягкость, и лишь после этого уселся. Причем выбрал он то же самое место, где недавно сидела его дочь. Подняв глаза на стоящего посередине комнаты Гордеева, Анчар махнул рукой в сторону кресла. Надо понимать, это было приглашением хозяину присесть в присутствии высокого гостя.

Станислав уселся в кресло и выжидательно посмотрел на Дмитрия Васильевича. На лице бывшего генерала невозможно было ничего прочесть, оно являло собой спокойствие и бесстрастность.

– Ну-с, молодой человек, – очередной раз пробежав по Гордееву тяжелым взглядом и остановив его на лице Стаса чуть выше бровей, отчего у молодого человека появилось чувство, что в его лоб смотрит дуло пистолета, промолвил Анчар, – уж не знаю, с чего начать.

– Начинайте от стенки, – сказал Гордеев и, уловив тень непонимания в глазах собеседника, уточнил: – Мама всегда так говорила мне, когда я задавал ей подобный вопрос.

– Никак не пойму, или у вас слишком хорошо с юмором, или вам все по хрену, Гордеев, – еще более помрачнел Дмитрий Васильевич.

– Присутствует и то и другое, – уточнил Стас. – Когда меня ни за что поперли на гражданку, единственное, что оставалось бедному капитану, так это воспринимать все происходящее с юмором. С тех пор и не могу остановиться, все юморю и юморю...

– Недобро юморите. А копнуть глубже – просто изливаете на окружающих накопившуюся желчь, – перебил его Анчар.

– Можно сказать и так, – подумав секунду, согласился Гор. – А что мне еще остается делать? Благодарить судьбу и этих самых окружающих за то, что меня лишили дела, которому я посвятил себя?

– Как знать, как знать... – задумчиво повторил Дмитрий Васильевич. – Пути господни неисповедимы. Может, когда и скажете спасибо тем людям, которые так круто развернули вас на жизненном пути.

– Точнее – сбросили с платформы идущего поезда, – усмехнулся Станислав. – Ехали мы, ехали...

– Никто не знает, что нас ждет, что лучше, что хуже в этой жизни, – скривив губы, перебил его Дмитрий Васильевич.

– Никому не ведомо, что записано в Книге судеб, – не остался в долгу Гордеев.

– Аминь! – властно подвел итог философской преамбуле их беседы Анчар. – Перейдем к делу. Я предлагаю вам, капитан, работу.

– Не понял, – удивленно расширил глаза Станислав. – Я думал, вы явились ко мне, чтобы почки отбить за то, что я ваших парней обидел, а тут – накася из-под кровати!

– Было такое желание, – подтвердил предположение Гордеева Анчар. – И не только почки отбить... Но после того как я познакомился с вашим личным делом и послушал, как независимо и просто вы вечером и утром общались с моей дочерью, как быстро нашли контакт с ней, мои планы изменились.

– Не понял, – мотнул головой Стас. – Как это «послушал»?

– Вы что, ребенок, капитан? – скептически поджал губы Анчар. – Скажите еще, что вам не знакомо устройство, эдакий мини-радар, с помощью которого можно с расстояния двести-триста метров снимать с оконного стекла волновые колебания, вызванные речью человека.

– Вообще-то знакомо, – признался Гордеев и покосился в сторону давно не мытых балконных стекол. – Но никогда не думал, что мою квартиру станут сканировать подобным устройством. И вечером успели прослушать...

– Скажите спасибо, что моя служба безопасности сработала оперативно, иначе точно состоялся бы ночной штурм квартиры.

Они успели записать окончание вашего вечернего общения. Моя дочь пела и, более того, мыла посуду... Это меня настолько поразило, что я отменил любое силовое вмешательство. Ну а потом, когда добрался до информации о капитане Гордееве, появились некоторые мысли...

– Мысли о том, как припахать бывшего капитана, – вставил-таки свое слово в монолог Дмитрия Васильевича Стас.

– Я уже просил вас не ерничать, Станислав Николаевич, – строго сказал Анчар. – Наша беседа носит весьма серьезный характер. Скажу откровенно: речь идет не только о вас, но и о моей дочери.

– Не понял, – недоуменно замотал головой Гордеев. – Вы, Дмитрий Васильевич, случайно не имеете желания соединить наши с Анной судьбы в законном браке?

– Избави бог! – с деланным испугом замахал обеими руками Анчар. – У вас, капитан, какое-то извращенное восприятие действительности. То меня записываете в педофилы...

– Вы преувеличиваете, Дмитрий Васильевич, – перебил его Стас. – Совершеннолетняя девушка на содержании у состоятельного немолодого мужчины – вполне естественное для сегодняшних дней положение вещей.

– Не забывайте, что речь идет обо мне и моей дочери, капитан, – процедил сквозь зубы Анчар.

– Все, данная тема закрыта, – твердо пообещал Гордеев. – Тем более не я к ней вернулся.

– Продолжим, – после короткой паузы мрачно сказал Дмитрий Васильевич. – Буду откровенен: я даже гипотетически не рассматриваю вашу кандидатуру в роли жениха Анны.

– Пролет с богатой невестой. А кто бы сомневался – несомненный мезальянс, – с французским прононсом выдал последнее слово Станислав, но мгновенно замолк, поймав бешеный взгляд Анчара.

– Вы меня более устраиваете как телохранитель моей дочери, – сообщил Дмитрий Васильевич после долгих секунд молчания, во время которых он, вероятно, успокаивался, и опять замолчал, теперь уже выжидающе впившись взглядом в молодого собеседника.

На лице Гордеева появилась гримаса откровенного недоумения. Он растерянно пожал плечами. Прозвучавшее предложение Анчара было для него совершенной неожиданностью.

– У вас что, своих людей не хватает? – наконец выдал из себя Станислав. – Толком меня не зная, приставить к своему драгоценному чаду?

– Людей хватает, – уточнил Анчар. – Вот только чадо мое драгоценное, как вы изволили выразиться, последнее время стало излишне свободолобиво и у него появилась привычка изводить охрану своими выходками. Вот и вчера... Собственно, о чем я говорю, вы сами в этом безобразии участвовали. А что я вас не знаю лично, так это ничего не значит. Ваш послушной

список представляет вас в выгодном свете, как и прецедент, в результате которого вы были уволены со службы.

– Интересный ход мыслей, – задумчиво покачал головой Стас. – То есть вы предлагаете отставному капитану работу именно потому, что его вышибли на гражданку?

– Не надо передергивать, молодой человек, и тянуть время. Вы прекрасно понимаете, о чем идет речь. Мне нужен такой человек: честный служака, независимый, принципиальный, имеющий свою точку зрения, не пресмыкающийся перед начальством и... нашедший язык с Анной. Кстати, о языках. В личном деле отмечено, что вы в совершенстве владеете английским языком и вполне сносно французским. Это так?

– Ну не то чтобы в совершенстве, но общаюсь и пишу на английском свободно, – скромно сообщил Гордеев. – В училище прошел углубленный курс и после самостоятельно занимался. Французский и арабский – разговорные бытовые.

– Надо полагать, в пограничном училище проходили обучение в спецгруппе? – поинтересовался Анчар. – В личном деле это не отмечено, но судя по данным и распределению не на заставу...

– Было дело, да мхом поросло, – пространно подтвердил Станислав.

Он понимал, что генерал-лейтенант Анчар в курсе того, что пограничное училище, находящееся в структуре ФСБ, готовит не только стражей границы, но и кадры для спецподразделений службы безопасности, и скрывать это смысла не было.

После второго курса Стаса, чемпиона училища по многоборью, рукопашному бою и карате-до, имевшего склонность к изучению иностранных языков, перевели именно в такую группу. В среде курсантов это считалось престижным, хотя нагрузки – физические и умственные – значительно возрастали. Учеба в спецгруппе предполагала как изучение предметов стандартного училищного курса, так и дополнительные занятия. Диверсионная и антидиверсионная подготовка, минирование и разминирование, глубинная разведка и подводное плавание, снайперское дело и криптография, прыжки с парашютом и автомобильная подготовка, не говоря уже об углубленном изучении как минимум трех иностранных языков – далеко не полный перечень того, чему обучали Гордеева.

Обязательность общеучилищного курса обучения обуславливалась тем, что не все курсанты, отобранные в спецгруппу, проходили специальную подготовку до конца. Одни не выдерживали нагрузок и писали рапорт о переводе в обычное учебное подразделение, других отчисляли по состоянию здоровья, психологической или моральной непригодности к службе в боевых подразделениях ФСБ. Из двадцати двух человек, которых вместе со Стасом отобрали в спецгруппу, полный курс прошли лишь семеро. Все остальные успешно окончили училище и выпустились обычными офицерами-пограничниками.

– Вы подходите мне, – небрежно бросил Анчар. – Итак, ваше решение, капитан?

– А зубы мне не посмотрите, Дмитрий Васильевич? И копыта, подковы проверять не станете, как першерону на лошадиной ярмарке? – неожиданно с вызовом выпалил Гордеев. – Я кому-то подхожу! Я счастлив! Слезы ручьем текут от умиления! Честный, независимый и принципиальный! Все данные для того, чтобы пасти непослушную козочку.

– Ваша заработная плата на испытательный срок составит две тысячи долларов в месяц, – невозмутимо перебил его Дмитрий Васильевич. – Через полтора-два месяца рассмотрим изменение оплаты вашего труда, естественно, в сторону увеличения. Ваше решение? На раздумье – минута. Вы и так отняли у меня много времени.

Стас постарался выглядеть спокойным. Названная цифра для отставного капитана звучала нереально. Как говорится, не было ни полушки и на тебе – алтын. Предлагаемая Анчаром зарплата на испытательный срок превышала его недавнее служивое денежное содержание примерно раза в четыре. Это «мирное», но даже если с «боевыми» и командировочными – все

равно как минимум вдвое больше выходило. И при этом под пули лезть не надо, а только пасти вздорную девицу. Хотя, что тяжелее, еще стоит поразмыслить.

– А если мы все-таки не найдем общего языка с вашей дочерью? – осторожно поинтересовался Гордеев.

– Не волнуйтесь, в этом случае у меня найдется для вас другая работа, – пообещал Дмитрий Васильевич. – С не меньшей заработной платой. Итак, надо полагать, ваш вопрос является положительным ответом на мое предложение.

– Пожалуй, я скажу да, – выдержав достойную паузу, выдал из себя Станислав, но не удержался и добавил со вздохом: – А у меня есть выбор? Куда же с подводной лодки-то деться?

– К работе приступите... – Анчар не стал реагировать на очередной пассаж собеседника, а лишь очередной раз внимательно посмотрел на него, – завтра. За сегодняшний день, будьте любезны, приведите себя в порядок. В девять утра вы должны прибыть в мой офис на Якиманке. Вот моя визитка. На ней обозначен адрес конторы и телефон приемной. Вопросы есть?

– Никак нет, товарищ генерал-лейтенант, – несколько уныло отрапортовал Гордеев.

– И давайте, Станислав Николаевич, с этой минуты забудем наши звания, – неожиданно предложил Анчар, хотя до этого сам постоянно обращался к Гору «капитан». – Мы с вами нынче люди гражданские, и не стоит шокировать окружающих былыми регалиями.

– Как скажете, Дмитрий Васильевич, – пожал плечами Стас. – Слово начальника – закон!

После ухода утреннего гостя Гордеев погрузился в раздумья, анализируя все произошедшее с ним за минувшие сутки. И это самое «произошедшее» представлялось случайным наложением встреч и событий, хотя могло таковым и не быть.

Более всего вызывало сомнение чрезвычайно оперативное реагирование службы безопасности Анчара. Меньше чем за час вычислить «хату» обидчика телохранителей непослушной девицы Анны, с которым она скрылась во мраке ночи, привезти из Москвы аппаратуру и прослушать их болтовню... Однако следовало согласиться – по раскладу времени подобное могло случиться. Жестко, но относительно реально, тем более что Аннушка девушка не простая, а дочь сурового босса. А вот во что никак не верилось, так это в то, что за ночь можно добраться до личного дела капитана Гордеева, отмеченного грифом «сов. секретно», и проштудировать его в подробностях. Хотя и здесь стоило признаться, что реалии сегодняшнего дня и не таким могут удивить. Результат дела нынче во многом зависит от нужных связей и размера благодарности этим самым связям.

На короткое время Гордеева отвлек от мыслительного процесса ворвавшийся в квартиру с улицы взволнованный Газировка. Стас не стал посвящать Олежку в подробности беседы с Анчаром, отделавшись от него сотенной купюрой, сопровождаемой строгим наказом сегодня ему на глаза не показываться.

После ухода товарища Гордеев еще немного поразмышлял, после чего, удовлетворенный собой и окружающим миром, отправился в ванную. Контрастный душ добавил бодрости и привел его в еще лучшее расположение духа. Жизнь перестала казаться унылой и серой, какой, собственно, и была последние полтора месяца.

Глава 6. Тоска зеленая

Словно червь, скука точила и разъедала Стаса. Прошло всего лишь полтора месяца с того дня, как Гордеев согласился на предложение Анчара, а он уже был готов отказаться и от заоблачной, по служивым понятиям, зарплаты, и от полного социального пакета, как сейчас принято писать в объявлениях о найме на работу. К вышеперечисленным благам следовало еще добавить бесплатное служебное жилье, «спецодежду» из фирменного бутика, в состав которой входили три костюма, включая смокинг, три же пары дорогих туфель, несколько сорочек – на все случаи жизни телохранителя. Плюс к этому: халявное питание с хозяйской кухни – качественное и «от пуза», весьма приличный мобильник, настоящий французский парфюм и скуку, скуку, скуку...

Насколько помнил Гордеев, закон сохранения энергии, по версии дедушки Ломоносова, звучал примерно так: если в одном месте сколько-то прибыло, в другом – столько же убыло. Внешний антураж и значительный подъем материального состояния Станислава резко ограничили его свободу. С шести утра и до бесконечности Гор охранял и оборонял драгоценное генеральское чадо – Анну Дмитриевну Анчар, существо непредсказуемое и вздорное. Охранял – это по форме, а по существу – таскался в качестве бесплатного приложения с утренней зорьки до звездной ночи за скандальной девчонкой.

Нет, конечно, и на прежней «государевой» службе у него было немного свободного времени, но зато сама служба, напряженная и порой опасная, не давала поводов для тоски и скуки. Стасу не привыкать с утра до ночи службу править, но вот что за ляжку ему нынче на плечо водрузили – срам один.

Согласно утвержденному расписанию, к шести тридцати утра Гордеев должен был быть готовым к использованию его по прямому назначению в образе телохранителя Анны в особняке господина Анчара в одном из поселков на Рублевке. Правда, сама она раньше половины восьмого не вставала, поэтому как минимум час Станислав ожидал, когда красна девица продерет от сна очаровательные глазки и изволит покинуть теплую постельку.

Кстати, утреннее ожидание менее всего томило Гордеева. Он использовал этот ранний час, а то и больше, если по настроению поднимался пораньше, для разминки и тренировки. Для этого в хозяйских владениях были и место, и соответствующие снаряды в тренажерном зале.

Жил Стас здесь же, во флигеле для обслуживающего персонала, прятавшемся в глубине большого сада, начинавшегося сразу за трехэтажным коттеджем. Он не колеблясь отказался от приезда-уезда на работу. Во-первых, не хотелось тратить время на дорогу, а во-вторых, его совсем не тянуло в неудобную холостяцкую квартиру в Одинцове. Во флигеле Станиславу выделили отдельную комнату с оптимальным набором коммунальных услуг, включающим в себя душ, телевизор и холодильник. Полночь ли, за полночь, сдав охраняемый объект «девица – штук один» внутренней охране, через пять минут он уже стоял под душем, чтобы затем залечь на кровать, застеленную горничной свежим постельным бельем. Так что в Одинцове Гордеев появился за полтора месяца лишь однажды и то лишь для того, чтобы передать сестре деньги на оплату его квартиры.

Поднявшись в шесть утра или чуть раньше, Стас выходил на разминку. Бегал он по выложенной цветной тротуарной плиткой дорожке вокруг сада, как правило, недолго – минут десять-пятнадцать, не больше, так как в подобном мероприятии ему еще предстояло участвовать в скором времени. После пробежки и вольных упражнений на свежем воздухе Станислав шел в спортивный корпус, стоящий отдельно от особняка неподалеку от флигелей прислуги. Там было два зала – «сухой» и тренажерный, а также десятиметровый бассейн и сауна.

Гордеева предупредили на первом же инструктаже, чтобы в сауну и бассейн он не совался – это чисто хозяйская территория, а вот спортивные залы в свободное от выполнения служеб-

ных обязанностей время посещать ему разрешалось, так как они у членов семьи Анчар, особенно у старшего, особым вниманием не пользовались.

К слову, эта самая семья состояла всего из двух человек – отца и дочери. Интересоваться, какова судьба матери Анны и, соответственно, супруги Дмитрия Васильевича, Гордеев не стал, излишним любопытством в подобных вопросах он никогда не отличался.

После пробежки Стас шел в «сухой» зал и примерно полчаса разминал мышцы, связки и работал над техникой рукопашного боя. На тренажерный зал Гору оставалось не более десяти минут, и этого ему вполне хватало. Он никогда не увлекался накачиванием мускулов, считая, что таскание тяжестей вредит гибкости и реакции, столь необходимой бойцу-рукопашнику.

Бицепс в пятьдесят пять сантиметров в обхвате, литые рельефы грудных мышц и кубики пресса не несли видимой пользы мастеру русбоя, карате-до и ушу. Кстати, по последним видам борьбы Гордеев имел черные пояса.

К пробуждению Анны размявшийся Станислав вид имел бодрый, но не сказать, что слишком веселый. Его рабочий день вступал в свои права, а значит, начинались тоска и тяготица.

Утро девушки начиналось пробежкой по той самой дорожке, опоясывающей по периметру сад, по которой, проснувшись, нарезал круги и сам Гор. Бегала Анна не быстро, и Станиславу приходилось сокращать шаги, порой переходя с бега на ходьбу. Семеня, он трусил за девушкой, уныло косясь по сторонам, высматривая по окрестным кустам злого врага, готового покушаться на охраняемый объект. Служба есть служба, за нее деньги платят, но и без денег Стаса с юных курсантских лет приучили выполнять строго и в полной мере возложенные на него обязанности.

Несмотря на все старания, злобных татей с кинжалами в зубах в кущах анчаровского сада и снайперов-кукушек на яблоневых ветках Гордеев высмотреть не мог. Да и откуда им здесь взяться? Охрана особняка бывшего генерала была организована по высшему разряду. Инфракрасные датчики движения вдоль периметра, два десятка видеокамер, перекрывающих обзором всю территорию поместья, – это то, что было на виду, что Стас с ходу «срисовал».

А еще Гор во время одной из утренних пробежек приметил торчащие из травы у забора и сливающиеся с ней по цвету стерженьки высотой сантиметров в восемь-десять и толщиной чуть больше карандаша. Они были разбросаны на расстоянии до полутора метров друг от друга. Стасу не составило особого труда идентифицировать эти совсем неприметные «карандашики» как радиосигнальные мины. Заступил в зону чувствительности электромагнитного поля данной штуковины, а это как раз полтора-два метра вокруг РСМ, – и получи фейерверк разноцветный чуть выше человеческого роста с завыванием громким и тревожным. У кого сердечко слабое, инфаркт обеспечен.

Стас изучал эти «игрушки» в теории, но на практике, в реальной жизни, с подобными устройствами ему встречаться не приходилось, не стояли они на штатном вооружении. Все больше по старинке работали – с сигнальными минами-растяжками образца пятидесятых годов. Во время рейдов вокруг бивака на ночь их обязательно ставили, проволочку разматывали и крепче натягивали. Ежели на эту проволочку наступишь или просто зацепишься и потянешь, то чеку выдернешь и приведешь поганую вещицу в действие: огоньки разноцветные в воздух полетят, петарды рваться начнут, завоют противно. И самому приходилось несколько раз в разведке напарываться на сигнальные мины, а потом улепетывать со скоростью курьерского, потому что следом за фейерверком жди автоматной очереди... Помимо технических устройств пенаты Анчара берегла круглосуточная вооруженная смена секьюрити из десяти человек. Один старший, четверо, меняя друг друга парами, бдили в дежурке у ворот, а остальные держали оборону в доме – у пультов и видеомониторов. Зачем бывшему генералу такая серьезная охрана, от кого он так сильно бережется, можно было только строить предположения.

Но все эти подробности являлись не более чем наблюдениями за природой: грачи прилетели, лягушки квакали...

Побежав по саду, Анна направлялась в тренажерный зал и около получаса работала на снарядах. После тренажеров она уходила в бассейн и минут двадцать плавала. В это время Станислав сидел в крохотной прихожей спортзала и скучал, просматривая не однажды перелистанный им дамский журнал, вероятно, забытый там его подопечной, судя по дате, года три назад. Закончив водные процедуры, охраняемый объект удалялся в дом, и вновь встречались они минут через сорок. За этот короткий срок Гордеев успевал принять душ, переодеться, позавтракать и посмотреть новости по телевизору в холле на первом этаже особняка.

Примерный распорядок дня он узнавал там же от Анны, спустившейся в холл из своих апартаментов. Она коротко и сухо бросала примерно такую фразу:

– Сегодня у меня тренировка по карате, косметический салон, Элина и конный клуб.

Выслушав девушку, Станислав степенно кивал и деланным густым басом отвечал:

– Как скажете, хозяйка!

Анна выходила из себя, злилась, особенно в первые дни его телохранительской деятельности, и запрещала подобным образом реагировать на ее слова. Однако Стас каждое утро вновь и вновь повторял эту фразу. Это было мстостью Гордеева за свою скуку, эдакой мелкой пакостью, которую он мог себе позволить. Заканчивалось противостояние тем, что девушка не делала замечаний, а только кидала в его сторону сердитый взгляд из-под густых ресниц. Затем она резко поворачивалась и в молчаливом негодовании удалялась. Станислав, тяжело вздохнув, предвидя очередной долгий тоскливый день, пристраивался за охраняемым объектом.

По его наблюдениям, Анна злилась еще и потому, что считала, что Стас относится к ней пренебрежительно. По крайней мере, тон, которым Гордеев разговаривал с ней с первых минут знакомства у придорожного кафе в Одинцове, а затем – в своей холостяцкой квартире, он не менял. На колкость девушки он отвечал не меньшей колкостью, на ее холодность реагировал еще более холодно, на нотки высокомерия, нечасто, но пробивающиеся в речи Анны, не обращал внимания. Более того, время от времени приходилось ставить ее на место, когда Анна Дмитриевна вспыхивала и пыталась устроить ему скандал, как правило, ничем не обоснованный. И происходило это не сказать, что редко.

Так уже на третьи сутки, как Станислав приступил к работе, случился первый инцидент подобного рода. В тот день Анна встречалась с Элиной, своей подругой. Они общались, как правило, два-три раза в неделю, и происходило это в кафе-кондитерской на Тверской. Обычные девичьи посиделки за чаем-кофе и кусочком торта: поболтать всласть, посплетничать, посмеяться...

Гордеев ожидал Анну в уголке зала, коротая время за чашкой кофе. Он, как и положено телохранителю, поглядывал по сторонам, чтобы вовремя высмотреть угрозу, грозящую его подопечной. Рассмотреть среди посетителей кафе наемных киллеров и злых террористов ему никак не удавалось. Взгляд Станислава наткнулся все больше на хлопотливых мамаш с детьми, благообразных дам бальзаковского возраста, а также приятных во всех отношениях дам и девиц. Две последние категории порой встречались с ним глазами, и в них можно было прочесть явную заинтересованность единственным мужчиной в кафе. Но Стас никак не реагировал на эти взгляды: служба и ничего кроме службы.

Злодеев в тот день, как, собственно, и в другие, Гор не высмотрел, а вот то, что Анна с Элиной раз и второй заказали себе в дополнение к кофе и тортику коньяку, он сумел разглядеть и принять данный факт к сведению.

Скандал случился прямо у порога кафе. Станислав вышел первым на улицу, осмотрелся по сторонам и, пропуская мимо себя к автомобилю Анну, чисто автоматически глянул на наручные часы. Посиделки подруг несколько затянулись, по графику девушки она уже

должна была находиться в конном манеже. Неожиданно для Стаса проходящая мимо Анна бросила почти со злобой:

– Нечего мне указывать, намекать, что я опаздываю. Без тебя знаю!

Станислав отреагировал на выпад спокойно:

– Я никому ни на что не намекаю.

– Я тоже. Видела, как ты, мачо одинцовский, глазки девушкам в кафе строил, – с явным ехидством выдала Анна.

– Не понял! Какие глазки? – несколько растерянно, но более возмущенно протянул Гордеев.

– Все ты понял, – отмахнулась от него девушка, направляясь к машине, и высокомерно бросила: – Быстро в конный клуб!

Тут Станислава словно подбросило.

– Хрен тебе с редькой, девица, а не клуб! После коньяка – на коня?! А потом мне твои телеса с опилок в кучу соскрести? Домой едем! – мрачно и решительно выдал он. – И вообще, напилась, так веди себя прилично!

Анна застыла соляным столбом у машины. Стас открыл перед ней дверку:

– Прошу, мадемуазель!

– Ты... Ты что себе... позволяешь! Телеса... напилась... – едва выговорила, задыхаясь от возмущения, девушка. – Мне еще никто и никогда раньше... Грубиян! Ты уволен!

– Не ты на работу принимала, не тебе и увольнять. И насчет грубости: сама первая хамить начала. Я тебе никакой не мачо одинцовский, а телохранитель при исполнении. А что никто и никогда на место не ставил, то это неправильно. Когда-то надо начинать, – спокойно парировал выступление Анны Гордеев и негромко, но властно скомандовал: – В машину!

Девушка замолчала и застыла, не говоря ни слова, видимо, переваривая услышанное. А потом послушно уселась на заднее сиденье. Станислав захлопнул за ней дверку, сел за руль, завел автомобиль и тронулся с места, вливаясь в поток машин. На перекрестке, поворачивая, он посмотрел в зеркало заднего вида, контролируя, нет ли помехи слева. Подрезающих его «Ауди» Гордеев не увидел, а вот глаза Анны, полные слез, рассмотреть успел.

В молчании они доехали до дома. Не говоря ни слова, девушка вышла из машины и скрылась за дверью. Станислав поставил автомобиль в гараж и отправился в свою комнату во флигеле.

В душе Гордеев корил себя, что не сдержался, одновременно понимая, что был прав на сто процентов как насчет коньяка, так и по поводу хамства в его адрес.

Стас был готов к тому, что это последний день его работы у Анчара. Дочка пожалуется папе, папа рассердится и ударит кулаком по столу, а он, как известно, пленных не берет... Однако ничего не произошло.

Гордеев провел спокойный вечер у телевизора и хорошо выспался ночью. Утро он начал как всегда: бег, разминка, снаряды. В семь тридцать появилась Анна и занялась зарядкой по обычному распорядку. Лишь после бассейна, перед тем как уйти в дом, она, отводя глаза, сказала:

– Мы вчера были не правы оба, – и замолчала, ожидая реакции Станислава.

– Надо сдерживаться, – пожимая плечами, неопределенно произнес Гордеев.

К кому относились эти слова, было непонятно, но, похоже, инцидент у кафе был замят.

Однако прошло несколько дней, и Анна опять крупно всплила по какому-то мелкому поводу. И, как и в прошлый раз, получила спокойный, но вполне решительный отпор Станислава.

Причины, из-за которых девушка выходила из себя, были разнообразны и анализу не поддавались. Она могла, как и в кафе, обвинить Стаса в том, что он строит глазки как посторонним женщинам, так и ее подруге Элине. А потом Анна закатывала истерику, обвиняя Гордеева

в том, что по его вине они опоздали на важную встречу, хотя виной тому являлись пробки на московских дорогах. Поводом для скандала могло явиться и отсутствие самого повода: «Тебя ничего не интересует, в том числе и моя безопасность. Ты просто бездушный болван!»

Но за Стасом, как говорится, не ржавело. Он без обиняков, хладнокровно и доступно выкладывал Анне все, что он думал о ней и ее «нервах». Девушка, естественно, обижалась, дулась, иногда, как и в первый раз, дело доходило до слез. Однако зла на Гордеева она не держала и через некоторое время приходила в себя и держалась, словно ничего не произошло.

Гордеев заметил, что холодного душа Анне хватало дня на три-четыре, после чего она снова выкидывала очередное коленце в образе скандала на пустом месте. Что за этим стояло: особенность характера, нервозность незамужней девицы, неприятие постоянного присутствия постороннего или, возможно, какие-то иные, неведомые Стасу мотивы? Ему оставалось только гадать о причинах столь скандального поведения Анны и терпеть.

Глава 7. Препятствия для телохранителя

К Гордееву охрана особняка отношение имела косвенное, на уровне куратора, то бишь начальника службы безопасности Анчара господина Белявского Евгения Серафимовича, которого за глаза подчиненные по начальным буквам ФИО кликали «Бесом». Позже Стас узнал, что Евгений Серафимович – полковник в отставке, проходивший службу в «девятке» – 9-м управлении Комитета госбезопасности СССР, насколько ему было известно, занимавшемся охраной высокопоставленных лиц государства.

При первом знакомстве с Белявским, по былым служивым понятиям – представлении непосредственному начальнику, тот подтвердил, что единственной и наиглавнейшей задачей Станислава является охрана и оборона объекта, именуемого девицей Анной Анчар. Никаких иных задач и дополнительных нагрузок на плечи телохранителя великовозрастного генеральского чада не взваливалось. Ненадолго задумавшись, Бес очень серьезно и несколько грустно, что весьма настораживало, добавил, что и этого для Гора более чем достаточно. И был в полной мере прав.

Похоже, что Белявский заранее ознакомился с личным делом новичка, так как вопросов о том, чем Гордеев занимался ранее, не задавал. Без каких-либо предисловий и объяснений Стасу было предложено пройти ускоренный курс подготовки телохранителей. Не с матерью, но еще с училищного курса молодого бойца Гор впитал, что приказ начальника, даже облеченный в форму пожелания, – закон для подчиненного, и ответил шефу безопасности кивком. У него едва не вырвалось уставное «Есть пройти курс!», однако Станислав сумел сдержаться.

Без сомнения, он не обладал достаточными для бодигарда профессиональными навыками и готов был пройти курс обучения азам телохранительского искусства. Вот только этот самый ускоренный курс вызвал у Гордеева некоторое недоумение, которое он постарался скрыть. По ощущениям Станислава, двухдневные десятичасовые занятия были не столько учебой, сколько проверкой его боевых качеств, которые вряд ли могли понадобиться в его новой служебной ипостаси.

Правда, ему в первый день прочитали часовую лекцию о правилах поведения телохранителя, а на вторые сутки провели двухчасовое практическое занятие по физической защите объекта. Однако оба эти урока практически ничего нового, за исключением не столь уж принципиальных мелочей будущей профессиональной деятельности, Стасу не принесли. Он не высказал вслух своих претензий, но про себя решил, что просмотр популярного фильма «Телохранитель» с Кевином Костнером в главной роли принес бы гораздо больше пользы, чем нудная вычитка общеизвестных истин, а также показ и черновая отработка приемов прикрытия и защиты охраняемой персоны.

Оставшиеся семнадцать часов «краткого курса» бывший капитан бегал, прыгал, ползал, стрелял, дрался и беседовал на английском, французском и арабском языках на вольные темы.

Его переодели в легкий комбинезон песочного цвета и кроссовки. Для телохранителя форма не совсем подходящая, а вот для бойца спецназа – в самый раз.

Спринтерские дистанции бега сменяли силовые упражнения на снарядах и отжимания. После десятикилометрового марш-броска с полной выкладкой, не предоставив и минуты отдыха, Стаса поставили на рубеж стрельбы. Он выпустил из «стечкина» две обоймы по движущейся мишени и под палящим июльским солнцем опять рванул по пересеченной местности, накрутив еще как минимум километров пять-семь.

Едва отерев пот после короткого, но жесткого спарринг-боя в полном контакте с бойцом-рукопашником, Гордеев имел честь пить чай с сухонькой старушкой и светски беседовать с ней обо всем и ни о чем на английском языке.

Станислав постарался не ударить в грязь лицом перед приятной во всех отношениях дамой. Однажды, переключая каналы телевизора, он случайно наскокил на сюжет о правилах этикета при дворе королевы Великобритании. Кажется, это случилось незадолго до официального визита Елизаветы II в Россию. Около минуты Стас слушал, какой рукой следует брать блюда, как поворачивать чашку, накладывать и мешать сахар... Скоро это ему надоело смотреть, и он переключил канал, однако кое-что отложилось в памяти. По крайней мере, то, как вела себя за столом пожилая женщина, напомнило ему ту самую передачу. Станислав, в свою очередь, постарался показать себя если не английским джентльменом, то уж воспитанным человеком точно.

После примерно километрового заплыва по озеру с обжигающе бодрящей, несмотря на жаркую середину лета, водой – видимо, на дне били холодные ключи – его переодели в сухую одежду, такой же песочный комбинезон, и отвели в металлический ангар. Рядом с ангаром стоял вертолет, на котором Гордеева доставили из Москвы в это живописное местечко, затерявшееся в лесах, по его расчетам, где-то в центре Валдайской возвышенности. Вероятно, когда-то здесь стояла воинская часть или располагался военный учебный центр. По крайней мере, спортивный городок и стрельбище смотрелись явно не новоделами.

В ангаре его встретил дочерна загорелый рослый инструктор лет примерно сорока. Он, не спрашивая, занимался ли Стас этим раньше и имеет ли желание сигануть с небес на землю, коротко объяснил правила пользования парашютом. Причем сделал это он на французском языке, а пожелал успешного приземления уже на арабском. Чуть позже Гордеев узнал, что человек этот, бывший капитан-десантник, около десяти лет прослужил в Иностранном легионе, и не только в нем одном.

И здесь Станислав показал, что не лаптем щи хлебает. Точнее, не показал, что его забил легкий мандраж от предстоящего испытания. Гор лишь однажды, еще в училище, прыгал с парашютом и не ощутил при этом особого восторга, как другие, не поймал кайф от свободного полета... А во-вторых, он понял, о чем говорит инструктор, хотя, в общем-то, давно не практиковался в разговорных французском и арабском, все больше налегая на чеченский язык.

После прыжка с парашютом с вертолета Гордееву дали час передышки и привели на полосу препятствий.

Он всегда не то чтобы с удовольствием, но в целом положительно относился к работе на препятствиях. Здесь отсутствовала монотонность и изнурительность обычного бега, вытягивающее жилы напряжение силовых упражнений или крайнее сосредоточение на стрельбе. Полоса включала в себя всего понемногу, и главное было – рассчитать свои силы, распределить их по дистанции, где-то выкладываясь, а где-то давая себе секундный отдых. И делать это Стас умел автоматически, на уровне подсознания, просчитывая ресурсы своего тела, умноженные на мастерство бойца. Более того, полоса препятствий вызывала у Гордеева относительное чувство реальности и приближения к настоящему, «живому» бою.

Перед стартом Станислава все тот же инструктор-парашютист коротко ознакомил, с чем будущему телохранителю придется столкнуться на маршруте, небрежно пробежав указкой по крайне скупой схеме полосы. И, так же как и перед прыжком, он пожелал ему успешного приземления. Причем в его глазах Гор сумел поймать скрытую усмешку и понял, что не все так просто, как видится на деле, и надо быть готовым к любым неожиданностям.

Первый сюрприз, а точнее – сюрпризы, явились в образе снаряженного боевыми патронами магазина к «АК-74» и мощного тесака с широким, остро заточенным лезвием. С этим оружием Стасу предстояло преодолевать полосу препятствий. Он с некоторым удивлением спросил, на каком этапе предстоит реально применить оружие, на что инструктор хмуро бросил: «Узнаешь на месте!» Более вопросов Гор не задавал. Он забросил автомат за спину, приторочил тесак в ножнах к голени и по команде «Вперед!» побежал к первому препятствию.

Начало полосы было стандартным армейским: преодоление стенки, ломаное бревно на двухметровой высоте, «змейка» по коридору и преодоление завала. Далее пошли специальные препятствия штурмовой полосы, в общем-то, знакомые Гордееву: качающаяся стена, горящий бассейн, который следовало перенырнуть под нависшей над ним бетонной плитой. Не составило для него труда забраться на третий этаж имитации дома по выбоинам стены – естественным и искусственным – от одного зияющего пустотой окна к другому.

И тут его поджидал очередной сюрприз. С противоположной стороны дома не было ни веревки, ни уступов, по которым можно было спуститься на землю. Ломать ноги, прыгая с восьмиметровой высоты, у Стаса не было ни малейшего желания.

Впереди его ждали еще препятствия, сверху это было хорошо видно. Остановка и возвращение, то есть спуск по уже пройденному маршруту, значили провал испытания. А это не входило в его планы. Но как двигаться дальше?

Гордеев на короткое мгновение застыл, балансируя в проеме окна на десятисантиметровой деревянной планке, прибитой вместо подоконника. Решение пришло именно от этой деревяшки с облезлой краской.

Прикинув на глаз расстояние от оконного проема, куда он забрался, до окна, расположенного этажом ниже и примерно в полутора метрах правее, Гор повернулся спиной к пустоте и, застыв на секунду, чтобы сконцентрироваться, сделал шаг назад. В мгновение перехватило дыхание и сердце ухнуло куда-то в тартарары. Но этим мелочам внимания уделять не стоило, не в первый раз перехватывает и ухаает, сейчас основное – скоординировать свои действия.

Уже в прыжке Станислав рывком прогнул тело, бросив ноги вправо. Одновременно правой же рукой он ухватился за доску, на которой только что стоял. Кисть и локтевой сустав жестко рвануло, но Стас сумел удержаться и маятником качнулся влево, в сторону нижнего окна. Свободной рукой Гордеев сумел дважды оттолкнуться от стены, чтобы не затормозить корпусом на шершавой штукатурке.

И пришел он – момент истины, в авиации – высота принятия решения. Надо было просто разжать пальцы и полететь к нижнему окну или же рухнуть вниз... Все просто!

И Стас сделал это. Отцепившись от верхнего окна, он в свободном косом полете выбросил левую руку и в отчаянном рывке кончиками пальцев достал-таки планку нижнего оконного проема. Этого хватило, чтобы немного затормозить падение и бросить к деревяшке кисть правой руки. Станислава провезло грудью по бетонной стене, но на это он не обратил внимания.

Главное было – удержаться за доску, не разжать пальцы!

А хотя, чего зря держаться? Второй этаж – не третий! Восемь метров минус два с половиной, получается пять с полтиной. Да еще следует убавить два метра на его рост и вытянутые руки, на которых он висел. В итоге до земной поверхности не более трех с половиной метров – детсадовская высота!

Переведя дух, Гордеев легонько оттолкнулся носком ботинка от шершавой стенки и отпустил руки. Приземление было классически-десантное: колени вместе, полусогнуты. Инструктор должен быть доволен! Вон он параллельно полосе по посыпанной мелким гравием дорожке едет на крохотном электромобиле, наблюдает за действиями Станислава.

Земля встретила его чувствительным ударом, однако ноги были целы и можно было двигаться дальше.

Стас рывком развернулся на шум за спиной. А зачем тут тот, кому следовало быть довольным? Инструктор перегородил ему дорогу. Причем не один, а в компании крепкого парнишки – невысокого и жилистого, того самого рукопашника, с которым Гор имел честь работать в спарринге накануне.

Похоже, намерения у загорелого инструктора и его компаньона явно не мирные и при- были они сюда не для того, чтобы поздравить будущего телохранителя с успешным приземле-

нием. Они медленно приближались, беря Станислава в клещи: позади стена, перед ним – два бойца, уже принявшие боевую стойку. Ну совсем недвусмысленные намерения!

Мелькнула было мысль об оружии: вырвать из-за спины «калаш» да полоснуть очередь под ноги, чтобы не нарывались хулиганы. Но он ее немедленно отбросил. Противники безоружны, и здесь все-таки не Чечня, не разъяренных «чехов» останавливаешь...

Ну что же, надо прорываться. Драться так драться! И постараться сил на это потратить поменьше. Вряд ли эти парни будут слишком стараться, чтобы его затормозить, не пустить дальше. Полоса как-никак учебная, бой шутейный.

Вот только в следующий миг он едва ушел от совсем не шутейного удара ногой с закрутки, выданного инструктором-парашютистом. Если бы Гордеев не увернулся, запросто мог занять ключицу всмятку. Похоже, не шутят с ним!

Классно, кстати, сработал загорелый товарищ. Вполне поставленная техника ведения боя. Судя по стойке и удару, инструктор специализируется на классическом карате-до. Второй соперник, как вчера убедился Гор, работает армейским рукопашным боем.

А вот и он пошел в атаку, попытался пробить защиту Станислава серией ударов «рука-нога». Не вышло!

Ну что же, раз пошла такая драка, надо прорываться, решил Станислав и поправил за спиной автомат: мешает, зараза, но не бросишь же... И без шуток, а по-боевому работать. С ним, судя по настрою визави, тоже не в бирюльки играют.

Он поймал инструктора на очередной закрутке. Тот так явно решил повторить прием, что пропустить столь удобный момент было грешно и смешно для такого серьезного бойца, как Гордеев. Тем более что на инструктаже не было уточнений по ограничениям и каким-либо особым правилам прохождения полосы препятствий. И вообще не упоминалось, что двое на одного наедут...

Станислав совершил молниеносный выпад, упав на одно колено, чтобы пропустить мимо себя ногу «парашютиста», и выбросил вперед сжатый кулак. Именно выбросил, не бил, соперник сам на кулачишко наехал тем местом, которое в народе зовется причинным. Потому как ежели бы Стас ударил... Но не зверь он, не садист. А так, легкая травмочка случится, без тяжелых последствий. Неприятно, конечно, но с минуту покорчишься, поматеришься сквозь зубы, а потом разогнешься со стоном, на месте попрыгаешь – и опять как новенький. Только обидчик уже далеко!

Так и случилось. Лишив на короткое время подвижности инструктора, Гордеев занялся его подельником. С ним было и проще и сложнее. Стас знал, на что способен парень, но и тот был в курсе его способностей. К тому же понял, что противник шутить не намерен, разозлился – вон какого косяка метнул в сторону зажавшего пах инструктора, враз потемнев лицом.

Они застыли друг против друга. Стасу пауза была необходима для того, чтобы определить характер боя с рукопашником, а тому потребовались секунды, чтобы прийти в себя после не то чтобы несчастья, скорее – казуса, случившегося с партнером, и соответственно настроиться на схватку. Вчера они с Гордеевым работали более в спортивном плане, а сегодня характер отношений явно изменился. И хотя в предыдущей встрече перевес был на стороне Гора, все, на что способен, он не показывал. Решил, что не стоит выкладываться по полной, и, похоже, оказался прав.

Короткого раздумья хватило на решение Станислава взять инициативу в свои руки.

«Что думать? Трясти надо!» – вспомнил он старый анекдот и, не сводя глаз с противника, медленно нагнулся, потянувшись к голени, на которой был закреплен тесак в ножнах.

Это была психическая атака. Гордеев не собирался пускать в ход нож против безоружного соперника, просто хотел посмотреть на его реакцию. И увидел то, что хотел увидеть. Страх в глазах парня не было, а вот растерянность его Станислав разглядел. И этот пунктик был запи-

сан в пользу Гордеева. Похоже, не рассчитывали ребяташки на столь решительные действия проверяемого.

А еще он решил выбивать клин клином и потянулся за тесаком не только для того, чтобы напугать противника. Во вчерашнем спарринге Стас определил стиль работы рукопашника как «бульдозерный». Тот с первых секунд боя активничал, пер вперед, словно бык на красную тряпку, нещадно молотя соперника руками и ногами, пытаясь его сломать. Гордеев выдержал натиск, работая на дистанции и стремительно двигаясь по кругу, нанося при этом жесткие уколы-удары. А когда тот подустал, сам пошел в наступление...

Но сейчас он решил ошеломить парнишку, применив его же атаковую тактику. Стас, словно спринтер, уходящий со старта стометровки, стремительно метнулся из положения «согнувшись к сопернику». Тот не ожидал броска, попытался закрыться, но среагировал поздно. Он опоздал на сотую, на тысячную долю секунды, и это опоздание так и не сумел наверстать.

Боец бросил вверх предплечье, пытаясь сбить выстрелившую к его шее ладонь, и рванул к груди локоть. Но и там недотянул считанных сантиметров, и здесь не успел защититься.

Пальцы левой руки, сложенные в «клюв орла», несильно ударили в район сонной артерии, на мгновение парализовав рукопашника, а правая рука таранной «головой удава» врезалась в грудную клетку, точно в солнечное сплетение.

Не защитил и накачанный пресс. У парня от мощнейшего удара Гора перехватило дыхание, он почувствовал, что не может двигаться. Глубокий спазм заставил его замереть, руки сделались безвольными и бессильно поползли к бедрам, ватные ноги уже не держали тело.

Гордеев остановил отработанное тренировками движение: быстрый переступ за оседающего противника и короткий удар той же «головой удава» в основание черепа. Полоса учебная, бой шутейный... Да и время терять не стоило: инструктор почти пришел в себя, уже не матерится, а только морщится и прыгает на месте.

Оставив поверженных противников на месте схватки, Стас побежал к следующему препятствию. На частую сеть из толстых, в палец, веревок, натянутую вертикально на высоту порядка четырех метров, он взобрался быстро. Тут его и подловили. Едва Гордеев перелез на противоположную сторону и приготовился спрыгнуть, как столбы, на которых крепились сетки, начали падать. Они не были жестко закреплены. Центр тяжести конструкции позволял испытуемому забраться на гребень сетки, но едва он перебирался на другую сторону, «бредень» падал и накрывал бедолагу.

Не минула сия горькая участь и Стаса. Он попытался отпрыгнуть подальше, однако оттолкнуться от повисшей в воздухе сети было практически невозможно. Его накрыло сеткой, причем столбы раскатились в стороны и веревки притянули тело к земле.

В полете, если можно было так назвать безвольное падение, Гордеев сумел-таки просчитать ситуацию и, отчаянно изогнувшись, вырвать из ножен тесак. Рука с зажатым в ней ножом осталась относительно свободной, и Стас начал орудовать лезвием, кромсая тянущие его к земле веревки.

Вот еще пару разрежет...

«Ну, сволочи! Еще подарочек припасли! – едва не завыл от обиды Станислав. – Нет, надо было и инструктора и рукопашника мочить по полной. Успею освободиться или нет?...»

Было отчего расстроиться. Справа, из лесопосадки, надрываясь в лае, к запутавшемуся в сетке Гордееву неслись две рослые собаки. Судя по ситуации, псы не со стороны прибежали, а являются очередным подарком для Гора, так сказать, домашней заготовкой.

Стас лихорадочно орудовал ножом. Быстрее разрезать веревку, еще этот узел, еще веревку... Он уже приподнялся на одно колено... Собаки в десятке шагов.

За считанные мгновения до нападения псов Станислав почувствовал, что свободен, и рывком вскочил. Ну, теперь посмотрим, кто кого!

Он наконец рассмотрел собак. Здоровые, но не породистые. И, похоже, не натасканные на людей. По крайней мере, с ходу не бросились, а, заливаясь в надрывном лае, закружили в хороводе вокруг Стаса. Обученный пес – тот сразу бы метнулся к глотке или мертвой хваткой в руку бы вцепился, на землю повалил... Видимо, для антуража их припасли, для того, чтобы нервы потрепать проверяемому, максимум – штаны располосовать. А как у вас с психикой, господа экзаменаторы?

Привычным движением Гордеев вырвал из-за спины «АК-74», сорвал с предохранителя, передернул затвор и... засмеялся. Нет, все-таки собаки были дрессированными. Они на удивление дружно и слаженно среагировали на намерения Стаса пустить в ход автомат. Лай мгновенно прекратился, а сами псы брызнули в разные стороны и в считанные секунды скрылись, если говорить профессиональным языком, в складках местности.

– Время идет, полоса еще не пройдена, – послышался за спиной голос инструктора. – Вперед!

Повинуясь приказу, Гор поставил автомат на предохранитель, закинул его за спину и трусцой побежал к следующему препятствию. Оно было с виду стандартным и называлось «блиндаж»: бетонированный колодец, лаз в подземный ход, как правило, ломаный, зигзагообразный, такой же колодец на выходе – в десятке метров заметны его края. За ним виднеется невысокая стенка с двумя проемами. Тоже знакомое препятствие. А где очередной сюрприз? Или они уже закончились?

Увы, но фантазиям строителей полосы препятствий тоже есть предел. По крайней мере, во время короткого подземного путешествия бетонные своды на голову Стаса не рушились и из стен с леденящим душу хохотом не вываливались скелеты.

На выходе из блиндажа на бетонном бортике лежала пара гранат «РГД» и три метательных ножа. Гордеев, не думая, вырвал чеку у одной, метнул за стенку с окнами, быстро проделал то же самое с другой и присел в колодце. Взрывов не случилось, гранаты оказались учебные.

Он поднялся, и в это время справа метрах в десяти из травы выпорхнула ростовая мишень с изображением донельзя свирепого бородастого субъекта с кинжалом в руке. Не теряя время на размышления, Гор сгреб с бортика и пустил в мишень все три метательных ножа – не борясь же ему с нарисованным бородачом, да и для огневого поражения дистанция маловата.

Рывком выбравшись из колодца, Стас побежал к стенке. Он не успел подумать, тело само среагировало на звук, упав на землю. Не единожды ему приходилось слышать тактовый разговор автомата и свист пуль над головой. Вот еще разок довелось, причем из-за спины...

Очередь прошла высоко, хотя стреляли не более чем в паре десятков метров. Без труда можно догадаться, кто пустил очередь, и сделать вывод, что прохождение штурмовой полосы еще не закончилось, хотя за куцей стенкой, за которую Стас зашвырнул гранаты, более препятствий не наблюдалось.

Но, как говорится, не первый раз девица замужем, намек Гор понял. Он по-пластунски дополз до стенки, достал и изготовил «калаш» к стрельбе и осторожно выглянул из-за кирпичной кладки.

Как Станислав и предполагал, метрах в пятидесяти впереди из травы поднялась грудная мишень. Гордеев ее положил с первой же короткой, в три патрона, очереди. Немедленно слева и чуть дальше вздыбилась вторая. И ее постигла участь сестрицы.

– Перебежками вперед, в атаку! – послышалась команда инструктора. – Наблюдать цели!

«Отживел, загорелый!» – констатировал Стас и, вскочив, отработанным зигзагом ринулся «в атаку». Он на ходу успел скосить еще пару мишеней и готов был работать дальше, однако команда «Отбой!» остановила его.

На этом прохождение курса телохранителей, если это было именно то, что ему заявляли, а не нечто иное, для Станислава закончилось. Итогов обучения и сдачи экзаменов не подво-

дили. После прохождения полосы препятствий ему дали скоренько переодеться в свою одежду, посадили в вертолет и доставили в Москву.

Уже на следующий день Гордеев получил короткий инструктаж у Беса – Белявского, после чего приступил к работе по охране и обороне Анны Дмитриевны Анчар.

Глава 8. Будни телохранителя

Со скукой Станислав боролся всеми возможными способами. Так, например, когда Анна по каким-либо причинам зависала дома, он мог трижды за день почистить свой и без того чистый пистолет. А еще он пристрастился к чтению женских журналов.

И случилось это от безысходности, чтобы хоть как-то скоротать время в парикмахерских и косметических салонах, которые Анна Дмитриевна посещала не сказать что часто, но регулярно. А там подобного добра имелось в избытке.

Правда, если женское чтиво своей незамутненной чистотой и детской непосредственностью сквозняком прочищало мозги, выметая из серого вещества все, проходящее по разделу «Серьезно», делая голову прозрачно-хрустальной, то чистка пистолета, наоборот, склоняла Гордеева к анализу окружающего мира. И то, что происходило в этом мире, естественно, касающееся его собственной персоны, порой виделось несуразным, порой не совсем логичным, а когда – и вообще подозрительным.

Стас хорошо запомнил вечер знакомства с Анной у придорожного кафе в Одинцове. Тогда ее сопровождали три секьюрити. Прошло уже полтора месяца, как он исполняет обязанности телохранителя девушки, но за все это время никто, кроме него самого, не сопровождал ее, куда бы они ни следовали. Что это: высокое доверие Гордееву, заоблачная оценка его профессиональных качеств или нечто иное? Вопрос, конечно, интересный, хотя и спорный. Особенно насчет высокого доверия к человеку, случайно ставшему телохранителем и уж никак не великому профессионалу в данной сфере деятельности.

Не то что настораживал, но несколько удивлял тот факт, что у него никак не налаживались отношения с ребятами из охраны дома. Вроде бы коллеги и делить нечего, у каждого свои служебные обязанности, однако у Станислава сложилось впечатление, что парни его если не игнорируют, то уж сторонятся точно. Сколько раз он замечал, что охранники в пультовой, до этого весело болтавшие, замолкают, когда он появляется на пороге, и прилипают глазами к мониторам.

Кстати, с тремя секьюрити, с которыми Гордеев имел дело у придорожного кафе в Одинцове, он больше не сталкивался. Вряд ли их уволили за поражение в той драке. Ребята серьезные, обученные, такими не разбрасываются. Ну а то, что он их не видит, так, возможно, они занимаются не охраной анчаровского особняка, а задействованы на чем-то более серьезном. Только на чем? Естественно, Станислава никто посвящать в это не собирался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.